

Владимир Николаев

**Река
МОЕЙ ЖИЗНИ**

Николаев В. И.

Река моей жизни / В. И. Николаев. – Северск: Центральная городская библиотека, 2016. – 39 с.

Настоящее издание представляет собой воспоминания автора о детских и юношеских годах своей жизни, написанных в 2011 году.

Книга является второй в задуманной мемуарной трилогии. Первая, «Вы всё, конечно, помните...», вышла в свет в 2009 году и стала своеобразным подведением итогов на есенинском пути. Третья же книга, о годах трудовой деятельности на Сибирском химическом комбинате, осталась незавершённой – в 2013 году автор ушёл из жизни.

Книга существует только в электронном варианте в авторском изложении без редакционных поправок.

Содержание

Часть первая. КОРНИ и КРОНА	4
Часть вторая. ДЕТСТВО	9
Глава первая. ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ	9
Глава вторая. ВОЙНА.....	10
Глава третья. ПЕРВЫЙ КЛАСС.....	14
Глава четвертая. ВТОРОЙ КЛАСС.....	17
Глава пятая. ТРЕТИЙ КЛАСС.....	19
Глава шестая. ЧЕТВЁРТЫЙ КЛАСС.....	21
Часть третья. ОТРОЧЕСТВО	23
Глава первая. ПЯТЫЙ КЛАСС.....	23
Глава вторая. ШЕСТОЙ КЛАСС.....	25
Глава третья. СЕДЬМОЙ КЛАСС.....	27
Глава четвёртая. ВОСЬМОЙ КЛАСС.....	28
Часть четвёртая. ЮНОСТЬ	30
Глава первая. ДЕВЯТЫЙ КЛАСС.....	30
Глава вторая. ДЕСЯТЫЙ КЛАСС.....	31
Часть пятая. ФТФ ТПИ	33
Глава первая. АБИТУРИЕНТЫ.....	33
Глава вторая. ПЕРВЫЙ КУРС.....	34
Глава третья. ВТОРОЙ КУРС.....	35
Глава четвертая. ТРЕТИЙ КУРС.....	37
Глава пятая. ЧЕТВЕРТЫЙ КУРС.....	38
Глава шестая. ПЯТЫЙ КУРС.....	38
Глава седьмая. ДИПЛОМИРОВАНИЕ.....	39

*Два чувства дивно близко нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А. С. Пушкин*

Часть первая. КОРНИ и КРОНА

Более тридцати лет я собирал материал о родственниках своей семьи, и лишь сейчас удалось вырастить родословное древо. Его корни от прапрадедов проросли на плодородной кубанской земле.

Стержневой корень - это прапрадед моей мамы Петренко Анны Георгиевны.

В конце пятидесятых годов XIX века мой прапрадед Николай, прийдя в Ейск из Запорожья, купил дом на улице Гоголя (купчая хранится в Ейске). Этот дом стоит и по сей день. Внешне он выглядит большим, но толстые стены, набивные, турлучные, как говорят на Кубани, «съедают» жилую площадь. Когда в 1947 году в дом проводили свет, монтерский пробой, пройдя кладку, в середине стены провалился в пустоту. Юго-восточная глухая стена в войну, просев, лопнула. Трещину наспех замазали глиной, и зимой в комнатах было холодно. У дома был легкий придел, в войну в нём жил бежавший в 1942 году родной брат деда. Под приделом был кирпичный погреб.

Земельный участок под домом и двором составлял пятьдесят соток. Грунт был насыпной: он сантиметров на тридцать поднимал двор над соседними участками. Один из сыновей прапрадеда Евдокима - Емельян - был садоводом. Во дворе он посадил абрикосовый сад, а всю землю разбил на аллеи, дорожки обильно посыпал морским песком-ракушечником с лимана и хорошо его утрамбовал. Вдоль аллеи посадил высокие травянистые растения - на Кубани их называют вениками, так как из них делают метёлки для подметания двора. Вдоль заднего забора двора сплошным рядом росла сирень. Украшением являлись и две огромные шелковицы: одна стояла на границе - её отдали соседям.

Прадед Николай Евдокимович
Петренко с женой Марфой
Емельяновной

По мере женитьбы сыновей им покупались новые дома. Так Емельян переехал в другой дом, в Сады. Старший сын Евдокима - Николай, мой прадед, унаследовал от отца наш дом. Кроме того, в восемнадцати километрах от города у него был хутор. В 1887 году у него родился сын Георгий - мой дед. В 1930 году при раскулачивании хутор отобрали. В Первую мировую войну дед Егор воевал на турецком фронте, попал в плен, где его держали в яме. Воевал и дед Иван, отец моего отца, он был кавалеристом. Дед Ера прожил 85 лет, умер в Ейске.

Земли у деда было сорок гектаров, 15 лошадей, 8 коров. Женился Георгий на дочери церковного служителя Емельяна Родионова - Феодосии (1889-1952 г.г.). У них родились два сына и шесть дочерей. Младшие дочери: Лидия (1922 г.р.) и Мария (1923 г.р.) живут сейчас в Ейске.

Баба Феня была набожной, по праздникам она доставала из-за икон завернутую в чистый белый платок старинную книгу «Евангелие» и читала. Она часто водила меня в церковь, прежде сняв с меня рубашку с пришитой красной звёздочкой октябрёнка. Выученную в детстве молитву «Отче наш» я помню и сейчас.

Мой прадед Василий Николаев - курский кацап, жестянщик. Крыл крыши, отчего у Николаевых была кличка «Крыльщикивы». Отец после войны брал меня с собой помогать ремонтировать крыши ейчан.

Устинья Григорьевна (в девичестве Горбачёва) и Иван Васильевич Николаевы
Ейск, 1914 г.

При Столыпине прадед Василий получил надел в Ейском уезде и осел на земле. Его сын Иван, мой дед, был предприимчивым человеком, много ездил по округе. На Ставрополье, в станице Дербетовке, он нашел себе невесту Устинью Горбачеву. Её отец Григорий был двоюродным братом отца Михаила Сергеевича Горбачева. Этот факт можно было считать легендой, если бы не большое красное родимое пятно на щеке у родного брата отца - Николая Ивановича.

У Ивана и Устиньи Николаевых родилось шесть сыновей и четыре дочери. Младшая Евдокия живет сейчас в поселке Степном Ейского района, в этом году ей исполняется 85 лет.

Предприимчивость деда Ивана увенчалась успехом, он купил молотилку. Крестьяне с соседних хуторов везли к нему молотить зерно. Молотилку обслуживали два батрака, поэтому для раскулачивания Николаевых в 1930 году было полное основание, они эксплуатировали чужой труд.

Корни нашей семьи по линии жены не менее интересны. Её дед по отцу - казак Мелентий Пилипенко, 1859 года рождения, женился на казачке Марии. У них родилось 18 детей. В судьбе семьи Мелентия, как в зеркале, отразилась судьба русского казачества. Вот что рассказала моя тёща Пилипенко Нина Владимировна.

1919 год. Гражданская война. Ейск занят белыми. Казак Петр Пилипенко сидел у матери в доме, что сейчас имеет адрес: ул. Победы, 181. В город ворвались красные и с ними другой сын Марии и Мелентия - Андрей. Произошел крупный разговор, братья схватились за сабли. Матери удалось их разнять, сабли она отобрала и бросила в бассейн с дождевой водой, вырытый возле дома. Потомки недавно чистили бассейн и извлекли непроржавевшие латунные эфесы сабель. Сегодня они хранятся в частном музее моего зятя Игоря Бредихина в Томске при магазине «Профиль» на Батенькова, 2.

Вскоре Петра казнили, та же участь ждала и их отца, Мелентия, но он перешёл на сторону красных и погиб. Похоронили его в братской могиле героев Гражданской войны в городе Ейске на Пантелеймоновской площади.

В противоположности всем нашим предкам стоит семья родителей моей тёщи - Ишутиных. Её отец, Владимир Иванович, был дворянином, директором гимназии в станице Марьинской, что на Кубани. Позже он заведовал всеми учебными заведениями Марьинского уезда. После революции, в 1920 году, они переехали в Ейск. Здесь встретились и поженились Герасим Пилипенко и Нина Ишутина. Долгое время, при советской власти, мы были вынуждены скрывать дворянское происхождение моей тёщи.

Наше родословное дерево включает 126 человек. 75 человек - предки: родители, дяди и тёти, деды и бабки, прадеды и прабабки, прапрадеды и прапрабабки. 51 человек - потомки: мы, братья и сестры, дети, внуки и внучки, племянники и племянницы, внучатые племянники.

Владимир Иванович и Лидия Васильевна Ишутины
ст. Марьинская Краснодарского края, 1905 г.

Не верится, но легко просчитывается, что родных дядей и тётей у нас 38 человек, и это не считая их жён и мужей.

Все корни проросли на Кубани, крона все больше разрастается на Томской земле.

«Крона», а вернее, только её часть, на Томской земле

Изумрудная свадьба
Владимира Ивановича и Людмилы Герасимовны Николаевых
Северск, 20 апреля 2012 г.

МАМА

Николаева (урожденная Петренко) Анна Георгиевна.

Родилась 16 февраля 1910 года в Ейске, в доме на ул. Гоголя, 178 (сейчас 218). Через два месяца после начала учебы в первом классе началась революция, учебу прервали. Писать и читать она научилась самостоятельно в зрелые годы. Работать начала рано, в основном помогала матери нянчить пятерых младших сестёр и брата, ухаживала за домашним скотом и птицей.

В мае 1928 года вышла замуж за молодого, голубоглазого, кудрявого парня Ивана с соседнего хутора. Хуторское хозяйство Николаевых было огромное, поболее чем у обычного кубанского середняка. Все братья и сёстры мужа были моложе его. Свекровь была строга и все работы по дому взвалила на плечи снохи. Мама рассказывала, что вдвоем они доили больше десятка коров.

Иван Иванович и Анна Георгиевна
Николаевы
Ейск, 1928 г.

В 1929 году у мамы родилась дочь - моя старшая сестра Нила. Зимой 1930 года Николаевых раскулачили, отобрали хутор и дом на Янышева, 76 - свадебный подарок моему отцу. Семью выбросили на улицу. В колхоз Николаевы вступать не хотели, поэтому отец с мамой и дочерью сбежали в Донбасс. В голодный 1933 год Нила умерла. В 1936 году родился я. Мама работала портнихой, отец - грузчиком на Макеевском металлургическом заводе. Жили в заводском бараке. В одной комнате обитало четыре семьи, четыре занавешенные простынями кровати стояли по углам. Страна строила социализм. Зарабатывали хорошо, деньги без счета хранились в открытых деревянных настенных шкапулках. Все жильцы комнаты были молодыми, ребёнок я был один на всех. Меня баловали, с работы я никого не пускал без конфет.

В 1938 году преследование бежавших от колхозов прекратилось, и семья вернулась в Ейск. В 1941 году родилась моя сестра Рая. Войну мама, как и миллионы советских женщин, вынесла на своих плечах. Ещё она обшивала всех своих родных и близких. Безграмотная, она мечтала дать образование своим детям, этому она посвятила всю себя: двое детей закончили вуз, одна - техникум, двое - среднюю школу. Это ей дорого стоило. Перед отъездом в Томск я сфотографировал ее с моими сёстрами. Фотография запечатлела женщину гораздо старше своих сорока лет, высохшую, изможденную.

Она утратила трудовую книжку, восстановить ее было невозможно, поэтому пенсию она не получала.

Умерла мама в Ейске 30 октября 1983 года.

ОТЕЦ

Николаев Иван Иванович.

Родился в Ейске 19 мая 1908 года. Там же закончил два класса начальной школы. Крестьянствовал, любил столярничать. Возвратившись из Макеевки, поступил на бондарно-ящечный завод.

Войну начал связистом. В боях под Смоленском попал в плен, сидел в концлагере в Норвегии, в Тротхайме. После окончания войны сидел в лагере для бывших военнопленных, под Иваново. Освободившись в 1948 году, вернулся домой. Взяли бригадиром, а потом мастером в «Бондарку» (бондарно-ящечный завод) в ящечный цех.

В 1965 году был реабилитирован. В этот год его наградили медалью «За победу над Германией» и юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945». На воротах двора родительского дома прибили табличку «Здесь живет участник Великой Отечественной войны». На заводе отцу присвоили звание «Ударник коммунистического труда». Этим званием он очень гордился, а значок ударника приколот на рубашку.

Шесть лет, пока я учился в институте, отец не ходил в отпуск, получая денежную компенсацию. Деньги все шли на оплату моего приезда на каникулы.

Прожил отец 71 год, похоронен в Ейске.

Иван Иванович и Анна Георгиевна
Николаевы
через 50 лет совместной жизни
Ейск, 1978 г.

ТЕСТЬ Пилипенко Герасим Милентьевич

Родился 4 марта 1901 года в казачьей семье. Окончил четыре класса. Любил технику, плавал на судах по Азовскому морю мотористом. Работал в МРС (Морская ремонтная станция) в Ейске, затем в Мариуполе.

В 1921 году женился на приехавшей в Ейск Иштутиной Нине. В 1937 году, в Мариуполе, у них родилась дочь Людмила.

Герасим хорошо разбирался в двигателях, и перед войной его взяли на работу в Техмастерские ВМАУ (Высшее военно-морское авиационное училище). От армии его освободили по броне, и в 1941 году семья Пилипенко, вместе с ВМАУ, эвакуировалась в с. Боровое Куйбышевской области. В 1943 году они возвратились в Ейск.

Семья Пилипенко: Герасим Милентьевич, Нина Владимировна и их дочь Людмила

Тесть любил выпить, за что его часто увольняли с работы. Но долго без его умелых рук обойтись не могли. Однажды он был в запое, в это время в порт прибыли иностранные суда, их двигатели не могли запустить. Приехали за Герасимом Милентьевичем, разбудили, опохмелили, восстановили на работе. Вскоре суда вышли в море.

В 1961 году я съездил в Ейск, привез его в Томск-7, где и прожил он 10 лет.

Умер Герасим Милентьевич 29 января 1971 года. Я три дня не работал. Месячный план по номенклатуре цех не выполнил. Выпуск побочного продукта - ацетата натрия составил 99,9 %. Премии цех не получил: это был единственный раз за 304 месяца моей работы начальником цеха.

ТЁЩА Пилипенко (урожденная Иштутина) Нина Владимировна

Родилась 13 декабря 1905 года в станице Марьинской Екатеринодарского уезда.

Окончила гимназию в Ейске, освоила профессию повара. Почти полвека проработала в офицерской столовой ВМАУ.

Родила двоих детей. Выйдя на пенсию, переехала жить в Томск-7. Вынянчила наших дочерей, своих внучек. Четверть века вкусно кормила зятя, т.е. меня.

Сердечница, десятки раз вызывали к ней скорую помощь. Она полежит полчаса и снова на кухню. Двадцать пять лет мы прожили с ней в мире и согласии. Мне очень жаль, что единственный раз в жизни я сорвался и оскорбил ее. Незадолго до смерти, на её пророческие слова: «Вот увидишь, Володя!», я раздраженно ответил: «Не каркай, старая!» Она заплакала. Эти слёзы стоят у меня перед глазами до сих пор.

Умерла Нина Владимировна 12 декабря 1985 года, не дожив до своего восьмидесятилетия два часа. При вскрытии на её сердце обнаружили пять рубцов, оставшихся от пяти перенесённых инфарктов.

Нина Владимировна с дочерью Люсей
Ейск, 1939 г.

*Берега, берега - берег этот и тот,
Между ними река моей жизни.
Между ними река моей жизни течёт,
От рожденья течёт и до тризны.
Ю. Рыбчинский*

Часть вторая.

ДЕТСТВО

Глава первая.

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Это время в память легло отдельными эпизодами. Эпизод первый. Я лежу в зале, в доме на Гоголя, в переднем правом углу. На потолке, прямо надо мной, сквозь лепнину, видно большое желтое пятно. В комнате шумят, все танцуют, кто-то чуть не наступил на меня. Кричат: «Осторожно, Андрей!» Я испугался, и кто-то унёс меня в другую комнату. Позже мне рассказали, что это была свадьба маминой сестры Федоры, в начале 1939 года, а Андрей Тулупов - это двоюродный брат мамы. Ржавое пятно - это след от протекшей во время дождя сквозь потолок с чердака сажи с дымохода. Пятно не могли забелить много лет. Я, приезжая в Ейск, глядя на это пятно, вспоминал этот случай.

Володя Николаев. 2 года.
1938 г.

Второе событие запомнилось мне на всю жизнь. В 1940 году в возрасте одного года умерла моя сестрёнка Нила: говорят, её «накрыла младенская». Я долго плакал, просил позвать самого лучшего доктора, чтобы он вернул её нам. Однажды ночью я громко закричал, всех разбудил, несколько часов я кричал не умолкая. Никто не мог успокоить меня. Над моей кроватью была медная дверка от проложенного в стене печного дымохода. Начищенная дверка сияла. Сейчас эта дверка иногда снится мне, просыпаюсь со страхом, что я ночью кричал.

Довоенным моим другом был сынишка соседей - советских немцев - Ваня Крампет. У нас с ним были одинаковые ярко-красные испанки с махорчиками. Мы привязывали на палки верёвки, получались ремни. Надевали их через плечо и маршировали, напевая:

*Возьмем винтовки новые,
На них - флажки.
И с песнею весёлою
Пойдем в итыки.*

В начале войны всех советских немцев выселили на Алтай.

До войны культ личности был во всех домах. У нас в зале висел большой портрет Сталина: он стоит, чуточку улыбаясь, за столом, накрытым красным сукном. Сзади за ним развернуто ярко-красное знамя, на столе в блюде стоит стакан чая, отсвечивая красным цветом. От магии красного цвета я избавился лишь в конце прошлого века.

Ещё до войны я знал по имени-отчеству всех членов Политбюро: Михаил Иванович Калинин, Лазарь Моисеевич Каганович, Никита Сергеевич Хрущёв.

Ейск прославило Высшее военно-морское авиационное училище имени И. В. Сталина. Оно воспитало 220 Героев Советского Союза, в их числе кавалер Золотой Звезды № 1 А. В. Ляпидевский, летчики-челюскинцы: С. А. Леваневский, В. С. Молоков, И. В. Доронин; космонавты: В. М. Комаров, П. И. Беляев, Г. С. Шонин. В 1952 году ВМАУ окончил

молодогвардеец Радик Юркин. День авиации был одним из главных праздников в нашем городе.

Празднование начиналось днём в авиагородке. В 1940 году отец водил меня на этот праздник. На лётном поле была выставка самолётов. Приподняв, отец поставил меня на крыло У-2.

Помню и первый кинофильм, на который водил меня отец, - «Дети капитана Гранта». Герои фильма: мальчик в белом матросском костюмчике, ботаник Поганель, африканская муха цеце и сейчас живут со мной.

В мае 1941 года отца призвали в армию. Казармы были на углу улиц Пушкина и Свердлова.

Мы с мамой сидели на высоких ступенях аптеки, мама плакала. Я сосал кругляшки сенсена, что купили в аптеке. В крайнем справа окне казармы появился отец, сел у открытого окна. Он был в зеленой военной панаме с большими полями. Было жарко, я пролез под колючую проволоку ограды и принес ему воды. Он свесился с окна и поцеловал меня. Их построили и увели на вокзал.

Вскоре от него пришло письмо. Мама читала его мне и плакала, но слов я не помню. Больше до декабря 1946 года вестей от отца мы не получали. Мама ждала.

Глава вторая.

ВОЙНА

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною
С проклятою ордой.*

В. Лебедев-Кумач.

22 июня 1941 года. Жаркое утро, я сижу на шелковице. Во дворе дома собрались выпускники ейской школы № 1, одноклассники Маши, маминой сестры. Все волнуются, вчера у них был выпускной вечер. Высоченный Жорка Пупырь все время хватает меня за ноги. В окно выставили радио, все ждут важного правительственного сообщения. По радио выступил Вячеслав Михайлович Молотов. Парни в тот же день ушли в военкомат. После войны из их класса возвратился один Костя Примак.

Помню, как по решению ПВО (противовоздушная оборона), бумажными полосками крест-накрест оклеивали стёкла окон, потом их закрашивали чёрной сажей. Помню, как рыли в глубине двора, под сиренью, траншею, сверху ее покрывали настилом из ветвей деревьев, а поверх клали траву и насыпали землю. Во время бомбежки мы все сидели на земляном уступе, оставленном вдоль одной стенки окопа. От близких разрывов бомб земля просыпалась, и мы перебирались в погреб под нашим домом. В нём же прятались и наши соседи - Заломины. Всего в нём вмещалось девять человек.

В шестой школе, что на углу улиц Пушкина и Павлова, был госпиталь, а в двадцатой школе (угол Пушкина и Шевченко) был военный штаб, их часто бомбили. В этом узком секторе радиусом сто метров от нашего дома зимой 41-го разорвались восемь тяжёлых фугасных бомб.

Немецкие самолёты мы научились различать по звуку и укрывались, не дожидаясь объявления тревоги. Я спал на сундуке, взрывной волной меня сбросило на пол, стёкла повывлетали.

13 сентября 1941 года родилась моя сестра Рая. В тот же день, в том же роддоме родилась наша двоюродная сестра Аня. Мы с Машей и дядей Сашей Бардаковым (отцом Ани) пришли в роддом. В окно он посмотрел на дочь и ушёл на фронт. Домой с войны не вернулся, погиб под Моздоком.

Зимой немцы подошли к Мариуполю и Таганрогу, от Ейска их отделяла узкая полоса Таганрогского залива. Холодная зима сковала Азовское море, сделало его проходимым для военной техники. Ейчане были мобилизованы на строительство ледяных укреплений. Лед пилили и укладывали в виде крепостных стен. На укреплениях работал пятнадцатилетний Костя, брат мамы. Однажды ночью в окно постучали. Открыли - в дверях стоял обледенелый мальчишка. Он рассказал, что начался немецкий обстрел, лед стал колотиться. Опасаясь оказаться в море на льдинах, строители разбежались. Домой Костя притащил тяжёлый четырёхметровый железный багор. Он многие годы валялся на задворках нашего дома, напоминая о войне.

Помню, как я один ходил в кино на фильм «Она защищала Родину». На улице всюду висели плакаты «Родина-мать зовет» и карикатуры с хохлацкими подписями:

*Гитлер- освободитель
За хвист да на витир.*

В память залег именно этот образ Гитлера - с усиками, с зачёсанными набок волосами, со звериным, напуганным красноармейским штыком выражением глаз.

Летом 1942 года налеты немецких самолётов участились. Все готовились к оккупации.

Бабушка Феня с Машей насыпали в посылочный ящик муки, в неё положили завернутый в тряпочку комсомольский билет. Ящик забили и закопали за сараем в огороде. Там же закопали кожаное седло, хранившееся в сарае с дореволюционных времен. Бабушка отобрала у Кости две сабли и казацкий кинжал и утопила в уборной.

В 43-м всё спрятанное откопали. Мука стала черной, комсомольский билет сохранился. Сохранилось и седло: из его кожи Маша сшила себе красивые туфли.

В июле 1942 года на лимане, вдоль железной дороги в конце улиц Ивановской и Орловской построили ДОТы. Возле ростовского грейдера, на повороте на Широчанку, вырыли окопы.

Колхозное стадо дед Егор угнал на юг. ВМАУ эвакуировалось, городские власти ушли с отступающей армией. Мощные взрывы потрясли город. На месте железнодорожного и морского вокзалов, городской почты, нового здания госпиталя, городского музея и техникума, Дома Красной армии и в авиагородке остались развалины. Взорвали также и все многоэтажные (выше двух этажей) здания. В городе три дня царил безвластие, начались грабежи. Грабили всё: учреждения и даже детсады. На развалинах зданий копошились граждане, в авиагородке даже рубили асфальт на топку. Тачку асфальта привезли и мы с мамой.

Затем в город вошли немцы. Я лежал на земле под забором и смотрел в щель на улицу. По пыльной дороге двигалось множество солдат, некоторые были в трусах и пилютках, многие ехали на велосипедах. В соседний двор к Хрюкиным забежали несколько солдат и стали ловить кур, тётю Клаву они заставили сразу жарить их себе на обед. Они поселились в их доме. Ночью немцы в туалет не ходили, а по утрам тётя Клава выносила во двор сушить их постели. Маленький, аккуратненький кирпичный домик соседей слева, Заломиных, занял офицер. Он вёл себя культурно. У Заломиных была собака Альфа, овчарка, наступая дальше, немец забрал её с собой. За неё он оставил большую сумку сахара. Через некоторое время Альфа прибежала домой, на ошейнике у неё висела алюминиевая бирка, на которой было выбито название города под Новороссийском.

Вскоре Костя повел нас с братом на хутор. Выйдя из города, мы увидели, что окопы засыпаны, кое-где из чёрной земли виднелись человеческие головы, руки, ноги, по ним ползали зеленые мухи.

Недалеко от нас был дом помещика Струцкого, в нём размещался интернат для детей с умственно отсталым развитием. Там проживали дети с синдромом Дауна, олигофрены, дебилы.

Немцы подогнали к интернату машины-душегубки, загнали в них детей, сказав, что везут их к мамам. В окопы за городом они свалили трупы 214 детей-калек. Об этом факте

упоминается в учебнике истории средней школы, а также об этом рассказал Озеров в кинофильме «Битва за Кавказ».

В Широчанке местные старики-казаки встречали немцев с хлебом-солью. Над хуторами командовали полицаи из Широчанки, к нам на хутор приезжал молодой белобрысый полицай. Он часто говорил слово «центр», и мы прозвали его «центрак». Иногда к нам приходили румыны: чумазые, небритые, потные. Они ходили по хатам и искали кукурузу, мы прозвали их «кукурузниками».

Однажды над хутором пролетел самолет, его сбили, лётчик выпрыгнул с парашютом. Вскоре он подошёл к нам, попросил спрятаться. Женщины накормили его, дали переодеться, и он ушёл. Его брюки и гимнастёрку сразу же сожгли в печке.

С нашими ушли из города и те, кто раскулачивал моих родителей и кому достался дом на Янышева, 76. В освобождённый дом мама с нами переехала зимовать. Зима 1942 - 1943 годов выдалась холодной. Несколько акаций, что росли во дворе и около дома на улице, вскоре сгорели в печке. Сожгли и деревянные стулья и книги. Стали корчевать и корни акаций: это самая трудная работа, которую я научился делать. Вокруг корней мы с мамой обкапывали мёрзлую землю, обрубив боковые корни, верёвкой оттягивали пень к забору, привязывали, и затем начиналось самое трудное - рубили стержневой корень. Поздно вечером, не закончив работу, мама ушла посмотреть за моей маленькой сестрёнкой. Стержневой корень я перерубил сам.

Я пишу об этом подробно, так как хочу, чтобы нынешнее поколение знало, как жили дети военных лет. Много написано воспоминаний участников войны и тыла. Воспоминания детей войны я встречал лишь в виде очерков.

Та зима была не только холодной, но и голодной. Мама оставляла меня нянчить сестрёнку, сама уходила на заработки. Приносила горсточку картофельных очистков с помойки. Иногда она ремонтировала сети рыбаков, в оплату они давали ей немного солёной тюльки. Один раз принесла кусочек белой свёклы и сварила из неё компот - представляете, какое это было лакомство. Иногда нам помогала многочисленная родня. Мама с нами уходила к кому-нибудь из родственников, шила им из старых вещей новые, а они давали нам немного еды. Как мама ни старалась, силы её в конце концов иссякли. Однажды вечером она чуть-чуть протопила печку, уложила нас на кровати, укутала потеплее и со слезами проговорила: «Сейчас я закрою заслонку и лягу. Нам будет тепло, хорошо-хорошо, и мы уснём». Недетским чутьём я понял, что она хочет сделать, она не первый раз об этом говорила. Я закричал нечеловеческим голосом: «Нет! Ни за что! Ты не сделаешь так! Не надо!» Этот крик спас нас от смерти.

Пасмурный зимний день. Я сидел на подоконнике и читал книгу «Робинзон Крузо» (читать меня научила Маша еще до войны). По радио передавали противную немецкую музыку. Вдруг радио замолчало. По улице проехала открытая грузовая машина, в кузове сидели немецкие солдаты. В городе несколько дней была тишина, никто даже не выходил на улицу. Потом радио заговорило, передали, что город освобождён и люди могут выходить на работу. Это было 7 февраля. Город немцы освободили без боя, просто бежали. По радио передавали частушки:

*Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекошил.
У мартышки слезы градом -
Подавился Сталинградом.*

Постепенно жизнь в городе ожила. Заработала и «Бондарка», вернулся её директор Нахапкин. Нам дали немного деревянных обрезков и керосина. В комнате потеплело и посветлело. Я дочитал «Робинзона Крузо».

С нашими вернулись и хозяева дома, нас снова выселили. Мама ушла жить к сестре Федоре, а меня забрал к себе на хутор дед Егор. Жизнь на хуторе осталась в моей памяти самым светлым пятном. На склоне лет хутор стал мне часто сниться. Сны снятся даже цветные.

Хутор находился в пятнадцати километрах от города. В двух саманных хатах жили 12 семей. Хаты были крыты красной черепицей, говорили, немецкой. Недалеко от хат полукругом стояли 12 соломенных сараев для скота и птицы. В центре хутора стояла кирпичная побелённая канцелярия. Под ней был большой кирпичный общий для всех погреб. Рядом с канцелярией стояла саманная колхозная кухня и деревянный, крытый жостью амбар. Недалеко был колодец, из него брали воду для своего скота. Вода была горькая, залегала глубоко, её было мало, набиралось по полведра. Таскали хуторяне воду по очереди. Для питья воду привозили на волах в большой деревянной бочке из Широчанки, находящейся в семи километрах от хутора. В двухстах метрах от хат располагалась колхозная конюшня со своим колодцем. Далее, в стороне, был колхозный птичник.

Это была третья бригада широчанского колхоза «Путь к коммунизму». Основу бригады составляли 12 женщин и два старика: дед Петренко и дед Назаренко. Остальные члены бригады и сам бригадир жили в Широчанке и приезжали на работу на двух бричках. Бригадир на полях не работал, сидел в конторе и руководил, он был инвалид войны. Изредка из Широчанки приезжал председатель сельсовета Федор Бондарчук (отец Сергея Бондарчука) - цыган с большими чёрными усами. Его кони тоже были чёрными.

В 43-м я пас гусей. Гуси - вредная птица, всё норавлили залезть в колхозную кукурузу и перегрызть молодые ростки. Начальство ездило на линейках, по столбам пыли их было видно издали. Гуси были тренированные, только крикнешь: «Бондарчук», и они бросались наутёк из кукурузы.

Наша корова Мезюнька давала много молока. Куры и гуси несли яйца, но почти всё отдавали по налогам. Ежедневно сборщик налогов приезжал утром на хутор и на лошадях объезжал все сараи. Там в теньке стояло молоко, он сам его сливал во фляги. Собирал яйца, забирал сметану. Нам оставался лишь обрат: из него бабушка делала творог, его мы ели с зеленым луком и солью. Сыворотку пили вместо воды. В основном сывороткой поили телят. Иногда бабушка давала нам слизывать сливки с тарелочек сепаратора.

Обедали приезжие из Широчанки на колхозной кухне. В тяжёлое весеннее время повариха оставляла нам, ребятишкам, похлёбки. Один раз она дала мне кусочек конины.

Спасительное время пришло летом. Появились огурцы и помидоры, созрели горох и фасоль, в лесозащитных полосах (защитках) поспели алыча и жердели (дикие, несортные абрикосы). Однажды по весне я нарвал и съел горсть зелёных, только что завязавшихся жерделей. Истощённый желудок расстроился и долго болел, так же расстраивался желудок и от сладкого корня, который копали мы на падине.

Ели мы и птичьи яйца, драли все гнёзда, не трогали только гнёзда ласточек. С какой радостью несли мы домой найденные в пшенице, полные яиц гнёзда перепёлок.

1943-й год выдался неурожайный. При немцах озимые не посеяли. Лето выдалось жарким, без дождей. Засуха сгубила посева яровых, на трудодни колхозники получили крохи. Спасла неприхотливая кукуруза. У каждого колхозника была своя делянка - по сорок соток. В основном, кроме лука, гороха, помидор, огурцов, её засевали кукурузой. В лунку с кукурузой клали фасоль. У всех были самодельные мельницы-крупорушки для крупы и помельче для кукурузной муки. Кукурузная ботва шла на корм скоту. Верю, что Хрущев использовал опыт военных лет, когда внедрял в стране кукурузу.

Осенью 1943 года мне было семь с половиной лет, но в школу меня не отдали: я был очень слаб, часто болел. Меня оставили жить на хуторе, чтобы немного подкормить. Зима 1943-1944 годов тоже была очень тяжёлой. Вдобавок нас одолели мыши. Полы в хате были земляные, лишь сверху мазанные смесью глины и свежего коровьего навоза. Мыши пришли с полей, под стенами они прорыли норы в хату. По ночам невозможно было ноги спустить с лежанки на пол.

Мы боролись с грызунами единственным способом: на пол у кровати ставили лохань с водой, рядом клали сапог с несколькими кукурузными початками и ждали, когда побольше мышей залезет в сапог, затем быстро вскакивали и опрокидывали сапог в лохань. Утром

считали улов. Он был в несколько десятков, почему-то запомнилась рекордная цифра - пятьдесят.

Донимали нас и волки, по ночам они подходили к сараям и выли. Этот вой вызывал ужас у детей, боялись его также собаки и кошки.

В 43-м не прекращались немецкие бомбёжки города. В апреле немцы сбросили листовки: «Не печите пироги, не месите тесто, двадцать пятого числа не найдёте места» 25 апреля была Пасха. Мы с бабушкой пришли в церковь на кирпичном заводе. В это время объявили воздушную тревогу. Со стороны Краснодара немецкие бомбардировщики летели эскадрильями. С высокого берега лимана было видно, как, подлетая к порту, они начали пикировать, я насчитал 70 самолётов. Выходя из пике, они возвращались в хвост колонны. Вскоре появились наши истребители: не окончив бомбёжку, немцы улетели, один сбитый бомбардировщик упал в море.

В восемь лет я был большим мальчиком. Колхозные ребята - мои сверстники - были ниже меня ростом, но уже работали: ездили верхом и на бричках, сами запрягли лошадей. Я вначале лошадей боялся. «Городской кошени» - так дразнили меня на хуторе. Этого я стерпеть не мог и скоро научился делать всё, что могли делать хуторские ребята. Правда, чтобы надеть хомут на голову лошади, нам приходилось забираться в ясли. Бричку я освоил быстро. На бричках мы, гоня друг за другом, накатывали ток, во время уборочной отвозили зерно от комбайнов на тока. Верхом на лошади я ездил направляющим волов в упряжке травянок и жаток.

В июле заканчивалась уборочная, и мы на стерню выгоняли пастись скот. Пастушество мне особенно нравилось, здесь я прошёл первую школу управления коллективом, т.е. стадом - простите за вульгарность. Управлять табуном лошадей было не под силу нам, ребятам, мы пасли коров и овец. Закон коровьего стада своеобразен, в нём прежде всего выясняется, кто есть кто. В первый день новая корова на рогах выясняет отношения. Проигравшая борьбу корова в стаде на полкорпуса отступает, впредь победительнице стоит лишь взглянуть на неё, как та тотчас же повинуется ей беспрекословно. Победившая всех становится вожаком в стаде. Таким вожаком была наша Мезюнька: её опыт, наверное, сделал лидером и меня.

На хуторе нас было восемь сверстников-мальчишек и три девочки. Девчонки жили своей жизнью, но одна черненькая Надя Тульбуре всегда наблюдала за игрой мальчишек. Мне очень нравились её черные глаза, это была моя первая любовь.

За полгода до школы мне в колхозе уже начисляли трудодни за работу, поэтому у меня есть полное право считать себя тружеником тыла.

Глава третья. ПЕРВЫЙ КЛАСС

1 сентября 1944 года я пошёл в школу. Новое, построенное перед войной здание школы было загорожено высоким забором, в нём был госпиталь. Начальные классы занимались в одноэтажном здании на углу улиц Пушкинской и Таманской. Первых классов было три, наш - 1 В. Учительницу звали Екатерина Яковлевна Мерзлякова, мне она понравилась. Читал и писал я очень хорошо, мог складывать, вычитать, умножать и делить, знал таблицу умножения на два и три. Этому меня научила мамина сестра Маша, ей был 21 год и звал я её как все - Маша. Сейчас ей 85 лет, но я никак не могу отвыкнуть от этой привычки.

В классе меня посадили на последнюю парту в третьем ряду. Екатерина Яковлевна не только учила нас, но и много рассказывала о войне. У неё погиб муж на фронте, благодаря ей мы знали многих героев Советского Союза: Зою Космодемьянскую, Александра Матросова, Лизу Чайкину, Сашу Чекалина, летчика капитана Гастелло. Часто после уроков она ходила по домам, узнавала, кто как живет. Маме она хвалила меня за хорошую учёбу. Жили мы как

все, впроголодь, иногда нам в школе давали завтраки. Помню, под Октябрьские праздники нам дали по маленькому кусочку чёрного хлеба, намазанного повидлом. Я понёс его домой, сестрёнке, на улице хулиганы напали на меня, побили и отобрали хлеб. Домой я пришёл в слезах и с разбитой камнем щекой.

Осенью умер Юра, сын нашего соседа Григория Мирошниченко. На поминки дядя Гриша собрал мальчишек с нашей улицы, налил нам по половине маленького гранёного стаканчика самогона. Помню, с каким трудом выпил неведомый напиток, больше уже ничего не помнил. Нашли меня поздно вечером: спал, свернувшись калачиком, зарывшись в сухие листья, в яме, которую соседи вырыли для посадки дерева. Так закончилось моё первое знакомство с алкоголем.

Зима снова была холодной. Чернильницы оставляли в школе, ночью они замерзали, и мы подолгу их отогревали в своих руках. Домой мы часто приходили измазанные чернилами. Писать было не на чем. Маша сделала мне тетрадь из географической карты, разрешила, разлиновала, сшила. Машу я очень любил, часто просился спать к ней на кровать, она охотно соглашалась. Спал я под стенкой, она, засыпая, поворачивалась ко мне спиной. Однажды ночью я расстегнул ей лифчик, ручонками вцепился ей в грудь, прижался всем телом, она до утра не проснулась.

Директором школы был маленький мужичок, фамилии я не помню. В чёрном костюме, в чёрной шляпе, с большим чёрным портфелем, с короткими чёрными усиками, он был похож на Чарли Чаплина, кличку ему дали «Кузя». Директорский кабинет находился в здании, где занимались старшие классы, в двух кварталах от нашей школы, на углу Пушкинской и Шевченко.

По пути на работу он вначале заходил к «первочкам», а затем шёл к себе. На улице, встречаясь с нами, он вежливо здоровался. Тогда мы не знали, что в потоке старшеклассников каждый день мимо проходила и будущая артистка Нонна Мордюкова. Станичница, в старшие классы она поступила в нашу школу. Немецкая оккупация помешала ей закончить обучение. Когда мы ходили в первый класс, она ходила в десятый. В станице Глафиоровской, находящейся в семи километрах от Ейска, за лиманом, жила тётка Нонны, и на выходных она плавала домой на лодке с парусником.

С моими тётушками в нашей школе до войны учился и Сергей Бондарчук, родители его жили в Ейске. Он занимался в драматическом кружке, и приехавшие на гастроли ростовские артисты забрали его с собой.

Спасительными для советских людей в годы войны были хлебные карточки. По ним давали по 400 граммов в день на рабочего, по 250 – на служащего и по 150 граммов - на иждивенца.

За хлебом в «Бондарку» или в магазин завода «Запчасть», где работала мамина сестра Федора, часто ходил я. Однажды после школы мы с мальчишками играли на развалинах церкви на Пантелеймоновской площади и я потерял карточки. С мамой мы перерыли все кирпичи, карточки не нашли, мама рыдала, семья осталась без хлеба до конца месяца.

В 44-м открылся Второй фронт, жить стало чуть-чуть легче. На карточки стали иногда давать сахарин, яичный порошок. Увидели мы и новую технику. От нас недалеко была 104 колонна. В ней появились несколько американских фордов, а у военных виллисы, шевроле, студебеккеры.

ВМАУ возвратилось в Ейск, жизнь оживилась. В Доме офицеров стали показывать военные кинофильмы. Нас, мальчишек, по воскресеньям на дневные сеансы стали пускать без билетов. Дверь со двора перед самым сеансом открывалась, мы вбегали и ложились на пол перед экраном. Так мы посмотрели многие фильмы. Сейчас, когда слышу песню: «Ты меня ждешь, и у детской кроватки не спишь, и поэтому знаю - со мной ничего не случится» в исполнении Марка Бернеса, вспоминаю сцену перед огромным белым экраном и фильм «Два бойца». Зимой показывали фильм «Блокада Ленинграда». В кино мы пошли с Машей, дед Ера приезжал с хутора и тоже ходил с нами - это был, наверное, единственный фильм в его жизни.

Было очень холодно, я был одет в телогрейку, короткие штанишки, сшитые из гимнастерки, в маминых чулках, в стёганных ноговицах и в подвязанных к ногам взрослых калошах. Фильм был тяжёлый, в зале плакали.

Однажды к маме прибежала тетя Клава Заломина с письмом: «Послушай, какие хорошие стихи мне написал мой Иван», - и начала читать: «Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло...» Вскоре мы посмотрели фильм «Жди меня», и всем стало ясно, что эти стихи написал не Иван Заломин, а Константин Симонов.

Иногда я ходил на завод «Запчасть». Мамина сестра Федора работала в формовочном цехе, меня на проходной знали и к ней пропускали. Во дворе возле вагранки были горы металлолома, в цеху, в воздухе стояла гарь, дышать было нечем. Всё вокруг грохотало, формовщицы деревянными трембушками вколачивали насыпанный в ящик песок формы колец, затем формы осторожно вынимали, а ящики краном переносили в литейный цех. Там в формы разливали расплавленный чугун, затем кольца шлифовали и направляли на сборку танковых двигателей. Лица формовщиц были чёрными от гари и копоти. Мужчин в цехе я не видел, победу в тылу ковали женщины.

На Новый год «Бондарка» устроила для детей своих работников утренник, пригласили и нас с Раей. Ёлки не было, но нам дали бумажные сумочки с подарками: по несколько конфет-леденцов и самодельных печений, сделанных в виде ромбиков. Сестренка впервые попробовала конфеты.

Весной 1945 года я играл в войну на развалинах предела. Из глины сделал десятки танков: развернулось гигантское танковое сражение. Из комнаты выбежала Маша и кричит: «Ура! Победа!». Мы пошли на Первомайскую площадь, там был весь город. Военные палили из ракетниц: одна ракета упала на голову женщины, это никого не испугало. Все веселились, пели и плясали, играли гармошки, а вечером был салют.

15 мая вернулся с фронта танкист, старшина Федор Григорьевич Яковенко, муж маминой сестры Екатерины, мой крестный. Мне в подарок он привез из Германии большую стопку линованной бумаги и коробку скрепок. Проблема тетрадей была решена. Встречу праздновали у них дома на пересечении улиц Коллонтай и Молотова. Мне тоже, почти как взрослому, налили стопку водки, захмелев, я один через весь город дошёл домой. В руках нёс драгоценный подарок, я был счастлив.

На каникулы я снова уехал на хутор работать. В июне к нам приехала из Москвы ещё одна мамина сестра Лидия Георгиевна Петренко. К её приезду дед Ера зарезал молодого барашка.

Тётя Лида рассказывала, как трудно в войну жилось москвичам, как строили заградительные укрепления и как сбрасывали с крыш немецкие зажигательные бомбы. Она работала в школе, а по вечерам заканчивала институт. За разговорами взрослые не заметили, как я съел много жареной баранины. Не выдавший такой пищи желудок разболелся, и я убежал за сарай, в кукурузу. Там меня, корчившегося от боли, нашла мама. Несколько дней меня от ожорства лечили касторкой и подсолнечным маслом.

Памятно и ещё одно событие - возвращение с войны старшего брата Нади Тульбуре, Владимира. Он приехал в военной форме лётчика. Красивый чуб лихо выбивался из-под высокой фуражки с голубым околышком. Китель с орденами и медалями был расстегнут, под ним была полосатая тельняшка. Весь хутор радовался, вынесли на улицу каждый свой топчан и сдвинули в ряд, на них выставили всё, что могли: хлеб, яйца, овощи. Победитель привез водку, пили, ели, пели, плясали. Вскоре хуторянка Дуся Назаренко вышла за Владимира замуж.

Лето на хуторе - самая счастливая пора. Спали мы на улице возле хат, приносили со скирды вязанки соломы, стелили её на землю, сверху покрывали ракушками. Соломой наполняли мешки - это были подушки. Укрывались рядом. Таких постелей было две, возле двух хат. Взрослые и дети спали вместе, в хатах оставались только старики Петренко и Назаренко.

Ночи были тёмные, хоть глаз коли. В тишине трещали кузнечики. Где-то далеко слышалось: «Цоб! Цобе!» - это кто-то издалека добирался в город на волах. Потом слышалось, как струилось молоко в ведра - это женщины начинали доить коров. По звуку мы точно определяли направление сараев - это доит Назаренчиха, это Стулиха, это Карасиха, Иванчиха, Чернышиха. А это наша бабушка доит Мезюньку, от неё она приносит ведро молока, а в день три ведра, 30 литров. Пока женщины перегоняют молоко, мы успеваем ещё немного поспать. Выгоняем коров пастись. Раннее утро, солнце еще не взошло, воздух прозрачный, чистый и свежий. Там, где днём видна одна бескрайняя степь, из-за горизонта поднимается одна единственная хата с деревом возле неё. Это совхоз «Челюскинцы». К обеду жара становится нестерпимой. На земле очищаем небольшую площадку, в середине втыкаем прямой стебелёк травы - это солнечные часы. Ждём, когда тень от стебля самая короткая - это полдень. Коров отпускаем домой, они сломя голову бегут к бочкам с водой у своих сараев. Часов до трёх, пока не спала жара, коровы лёжа пережёвывают жвачку. Мы, натаскав и наполнив водой бочки, успеваем поиграть в казаков или лапту. С началом уборочной коров пасём по очереди, остальные ребята возят в бричках зерно от комбайнов.

Летом дожди в наших краях идут редко, но иногда бывают ливни. В это время полевые работы на несколько часов прекращаются. Дорога, что проходит через хутор, превращается в сплошную лужу, а мы в этой луже купаемся.

Наступает самый вкусный месяц - август, поспевают арбузы и дыни. Наш любимый сорт арбузов - «Ейский победитель». Корка у него зелёная, тонкая, семечки белые с тонкой каёмочкой, мякоть сахаристая, сладкая. Любимая дыня - «Колхозница», нравились нам также «Кочанка», «Скибастая», «Репаная». Арбузы мы ножом не режем, прямо на бахче разбиваем о коленку. Когда едим, сок стекает по пыльным рукам, локтям, животам.

За несколько дней до конца месяца прощаюсь со степью и уезжаю в город, надо подготовиться к школе. Впервые нам выдают взамен старых новые, послевоенные учебники: «Граматику», «Арифметику», «Родную речь», красивую, с цветными картинками. Выдали нам и новые эбонитовые чернильницы.

У нас появились новые предметы - чистописание и военное дело. Учителем военного дела был инвалид войны, он учил нас ходить строем, показывал, как заряжается винтовка.

Для чистописания я завёл новую тетрадь в косую линию. Её мне подарила Варвара Алексеевна Тарада, родная сестра бабушки. Её сын Юрий Григорьевич вернулся с войны инвалидом, вместо руки у него был протез в кожаной перчатке. Вскоре его избрали секретарем горкома партии. Мой отец с войны не вернулся, и мама решила перешить его сапоги мне. Дядя Гриша Тарада сшил мне из них красивые хромовые сапоги. Из гимнастерки мама сшила мне брюки, и я их заправлял в сапоги. Ещё мама сшила мне костюм из серой шинели, зимой в нём было тепло, но он был очень колючий. У Тарады было много интересных книг. Тётя Варя мне давала читать книгу «Угрюм-река».

Глава четвертая.

ВТОРОЙ КЛАСС

И во втором классе я был прилежным учеником, особенно мне нравилось чистописание.

Старательно высунув кончик языка, выводил буквы, нажим. Неожиданно с пера на тетрадь капала клякса, приходилось всё переписывать сначала, но Екатерина Яковлевна всё же оценку за это снижала. На «отлично» надо было написать не только красиво, но и без единой помарки.

После школы мы, сделав уроки, играли в футбол. Мячей ещё не было, и мы их делали сами: отрезали кусок чулка, набивали его сухими листьями и завязывали. Я всегда играл вратарём. По радио передавали много репортажей с футбольных матчей, все передачи вел

Вадим Синявский. У нас в классе все болели за ЦДКА, знали всех игроков любимой команды: нападающие - Бобров, Федотов, Гринин, Дёмин, Николаев, инсайт -Соловьёв, Водягин, защитники - Кочетков, Башашкин, Нырков, вратарь - Никопоров. Мы пели любимую песню:

*И вновь атака ЦДКА, ЦДКА!
И мячик ринул в облака, облака.
Короткий пас Боброву наперед.
Удар! И Хомич не берет!*

Война оставила свой след на земле, у каждого мальчика был свой арсенал. Я собирал заряженные патроны, стреляные гильзы, гранаты без запалов. Был у меня даже большой кусок динамита. Мы с ребятами с нашей улицы пытались даже взорвать в нашем огороде саманную стенку, уцелевшую от старого сарая, - не получилось. Из тонкой медной трубочки мы делали поджиг, из патронов ссыпали порох, забивали пыжи. К пропиленному в трубочке отверстию на полочку клали очищенную со спичек серу, которую поджигали и стреляли пыжом, иногда дробью. Однажды трубочка разорвалась и ранила меня в голову. Шрам на лбу от правого виска до левой брови можно видеть на некоторых моих фотографиях, снятых в молодые годы.

Кто-то рассказывал, что в самолётных двигателях есть клапаны, заполненные жидким натрием. На Сенной площади, недалеко от нашей школы, был склад ВМАУ, где в контейнерах хранились привезенные с войны остатки самолётов. Мы ночью проникали на склад и воровали клапана. Головку клапана сбивали, натрий понемногу сливали в лужу. Реагируя с водой, шипя, шарик натрия носился по поверхности лужи. Если ударить камнем по шарик, он взрывался.

Однажды клапан с отбитой головкой кто-то принёс в школу. Во время урока военного дела, когда мы маршировали по коридору, этот кто-то бросил клапан в бачок с питьевой водой. В бачке громко зашипело, и из него повалил густой белый пар. «Ложись!» - скомандовал военрук. И мы попадали на пол - в это время бачок взорвался. В наказание нас заперли в военном кабинете. Прибежал директор школы, нас по одному стали вызывать на допрос. До конца смены сидеть было невтерпеж, и мы по малой нужде стали ходить в миномет.

14 марта 1946 года мне исполнилось десять лет и меня приняли в пионеры. Перед строем я прочитал торжественное обещание юного пионера, а пионервожатая повесила мне на шею красный пионерский галстук с блестящим зажимом, на котором сиял пионерский костер. Пионервожатая воскликнула: «Пионер! За дело Ленина-Сталина будь готов!» Я ответил: «Всегда готов!» - и отдал салют. С этих пор я больше не позволял бабушке снимать с меня галстук, перестал читать «Отче наш» и креститься. В церковь меня бабушка больше не водила.

День 14 марта стал для меня очень значимым, символичным днём. 14 марта 1950 года я подал заявление на вступление в комсомол. 14 марта 1961 года, проработав год на заводе, я подал заявление на вступление в партию (по уставу). 14 марта 1962 года собрание партийной организации № 39 объекта 10 приняло меня в члены КПСС. Слепая вера в партию продолжалась до марта 1999 года.

Возвратимся в 1946 год. Тогда же, в марте, началась моя кипучая общественная деятельность. Меня избрали командиром пионерского отряда класса. Мама сшила мне тёмно-синий китель с блестящими пуговицами и якорями, из-под верхней незастёгнутой пуговицы кителя выглядывал красный галстук. В таком виде со вздёрнутым курносом носом я стоял во главе отряда на пионерской линейке. Второй класс я закончил на отлично.

Лето мы снова провели на хуторе у бабушки. Мы - это Рая, двоюродные сестра Аня и брат Валера. Спали все на земляном полу. Нам нравилось, когда по воскресеньям Маша мазала полы глиной с коровьим навозом, сверху набрасывала пахучих цветов - их мы рвали на падине и называли почему-то васильками. Пол просыхал, Маша занавешивала окна и

выгоняла мух. В этот день бабушка пекла в печке на улице чёрный-пречёрный пшеничный хлеб, семь булок на семь дней недели. Булки из форм она выкладывала на стол, сверху накрывала полотенцем. В комнате стоял вкусный аромат васильков, навоза и хлеба. Это видение возникает у меня всегда, когда я читаю есенинские строки:

*Не нравится?
Да, вы правы -
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрёте вы, -
Ведь мы его того- с...
Навозом...*

В то лето был ещё один случай. Утром у Ани поднялась высокая температура. Взрослые все были в полях. Мы с Валеркой на скрещенных руках понесли её в Широчанку: в колхозной конторе был фельдшер. Когда измерили температуру, она была под сорок. Фельдшерница сказала, что это может быть воспаление лёгких и помогла отправить Аню в город. Это было действительно воспаление лёгких - её положили в больницу. Пенициллина не было, врачам чудом удалось спасти ей жизнь.

Глава пятая. ТРЕТИЙ КЛАСС

Этот год очень запомнился мне. После победы над Германией и Японией в стране была амнистия, из тюрем возвратились уголовники. По улице даже днём стало опасно ходить.

В трёх домах от нас жили Переходовы, они ни с кем не общались. Все знали, что их сына Василия ещё до войны посадили на 25 лет. Его тоже выпустили из тюрьмы. Часто он голым сидел за высоким забором и страшными безумными глазами смотрел в щель на улицу. Женщины со страхом обходили их двор стороной.

В квартале от нашего дома жил ещё один убийца, главарь банды Васюра. Троих мальчишек из нашего класса, своих соседей, он включил в свою банду, а они втянули меня туда же. Мне надо было заплатить вступительный взнос - пять рублей. Пришлось расстаться с синенькой пятеркой с изображением летчика в шлеме и с парашютом, мне её дали на Рождество за христославие. Вместе со всей шайкой я участвовал в кулачных боях «край на край». Враждовали мы с шайкой Бурима с Верхней улицы, иногда сражались с шайками из других краев города: с Балочки, с Рога. Однажды мы в битве загнали роговских в развалины взорванного в войну госпиталя, но едва мы ворвались в госпиталь, как на нас обрушился град камней, нам пришлось отступить. Сам Васюра в боях не участвовал, на улицу он выходил редко и всегда с собой носил финку с ручкой из цветного плексиглаза. В банде меня научили материться.

Моими обязанностями в банде было выполнение письменных уроков по математике и русскому языку для бандитов-одноклассников. Екатерина Яковлевна понимала всю опасность моей уличной жизни и всеми силами старалась противодействовать влиянию хулиганов. Она ходила по домам к моим новым друзьям, убеждала их оставить меня в покое. В классе она посадила меня с другим отличником Володей Ильюшенко, старалась, чтобы мы подружились, познакомила меня с его родителями. Это была интеллигентная семья: Володя рос культурным воспитанным мальчиком, он мне очень нравился. Вместе с ним мы собирали марки и открытки. Много интересных книг он мне дал почитать. У него я научился аккуратно, в чистоте и порядке хранить свои вещи.

В классе верховодил всеми Вовка Ломака, он был старше всех и на голову выше нас. Учился Ломака плохо, но своими руками умел делать многое. Из алюминия он отливал самолётики, обтачивал их напильником и с помощью наждачной бумаги делал их блестящими и красивыми. Эти модели истребителей он продавал в школе мальчикам по три рубля. Мне за то, что я давал ему списывать, продал один самолёт за рубль.

Ломака часто пропускал уроки. Екатерина Яковлевна пошла к его матери домой выяснить в чём дело. Он засел в зарослях двора, обложился камнями. Едва учительница открыла калитку, как он открыл заградительный огонь. В дом она пройти не смогла. За хулиганство Ломаку исключили из школы, и он пошёл учиться на слесаря в ремесленное училище.

Зимой пришло письмо от отца, в котором он сообщил, что жив-здоров, работает под городом Иваново, в посёлке Тылицы и скоро приедет в отпуск. Вскоре он приехал. На правой руке у него не было указательного и среднего пальцев. Пальцы ему отрезало на циркулярной пиле в концлагере в Норвегии. В концлагере их кормили плохо, они варили себе суп из опилок, но был он не худой, как показывают военнопленных в кино, а полный, розовощёкий и весёлый.

Отец рассказывал, что сейчас он работает на торфяном заводе, что живут они в лагере, за колючей проволокой, что кормят их хорошо и что в гости к ним часто приезжают шефы-артисты хора имени Пятницкого. Маме и её сестрам отец привез отрезки белого ситца с зелёными и голубыми цветочками. Отец сказал, что его обещают за хорошую работу освободить досрочно.

В нашем доме на Гоголя была тёмная комната, оба её окна выходили в коридор. В этой комнате жила Матрёна Никоновна - мачеха деда Егора. Она выходила редко во двор, лишь когда надо было полное ведро вынести в уборную. В этой комнате стоял отвратительный запах.

Дедушка привозил ей харчи, а мама варила ей борщ. Я носил ей миску борща, она просила принести красного перца и побольше соли. Стручок перца она растирала в ложке борща и съедала. В конце обеда она брала в ладонь соль и ею растирала зубы. Весной 47-го года Матрёна Никоновна умерла. Ей было 87 лет, но зубы у нее были все целые. Сейчас, когда идёт реклама зубной пасты «Блендамед», я вспоминаю, чем чистила зубы моя прабабка.

В 1947 году в Ейске праздновали семидесятилетие со дня рождения Ивана Максимовича Поддубного. Вечер состоялся в городском театре. Маша была на этом вечере. Вышел он на сцену в своём спортивном трико и в борцовках 56 размера. Выглядел он бодро, усы по-прежнему закручивал вверх. В эти дни выяснилось, что мы, мальчишки, давно его знали. Купаться на лиман мы бегали по Пушкинской. На перекрёстке улиц Пушкина и Крылья Советов, перед самым спуском к лиману, стоял большой полуторный дом. Около дома была сделана деревянная скамейка. Вечерами на ней в тени от дома сидел огромный пожилой человек в коричневом в полоску костюме и в шляпе. У него были большие, закрученные кверху усы. Нас он знал по именам, всегда подзывал к себе, подставлял карман и заставлял набрать сколько войдет в горсть жареных подсолнечных семечек. Он часто гладил нас по голове. Мне есть чем гордиться, я лазил в карман самого Ивана Поддубного.

В тот год я допустил одну подлость, которую запомнил на всю жизнь. На уроках мы часто безобразничали. В наказание Екатерина Яковлевна на переменах ставила нас между рядами парт и уходила в учительскую. Возвратившись на следующий урок, она увидела такую картину: на классной доске под лозунгом, написанным белой краской на красном полотне «Да здравствует XXIX годовщина Великого Октября!» мелом крупными печатными буквами было написано: «Мы не хотим стоять на уроках и переменах, будем бунтовать!» На вопрос: «Кто написал?», класс молчал. Пришёл директор, нас по одному вызывали в учительскую, все молчали. Дошла очередь до меня. Я без стыда и совести сказал: «Это сделал Валентин Куш». Его мать вызывали в школу. Куша в классе не любили, он был отличник, тихоня и подлиза. Правды так никто из ребят не сказал, хотя все видели, что на

доске писал я. Один только Володя Ильюшенко перестал со мной дружить. Позже мне стало стыдно, и я пообещал себе, что больше никогда не буду говорить неправду. Это стало законом моей жизни.

Екатерина Яковлевна всё поняла. По поведению в табеле за четверть она поставила мне оценку «хорошо», но по году всё же оставила меня отличником.

На летние каникулы на хутор я не поехал. Нахапкин выделил нам делянку за Широчанкой, возле лимана, 20 соток. Там мы посадили кукурузу, фасоль, горох, помидоры, арбузы, дыни. Это было в десяти километрах от дома. Я помогал маме ухаживать за посадками. Воду для помидор мы таскали с лимана, помидоры выросли мелкими, но вкусными.

На каникулах я сходил в свой первый туристический поход. Весной пионервожатая записала меня в Доме пионеров в туристический кружок, который вёл сам директор Дома пионеров Борис Васильевич Щербаков. Он сам повёл нас в поход. Мы доехали в поезде до Старощербиновки, перешли реку Ея и пошли в сторону Ейукрепления. Там был невысокий, заросший травой земляной вал: здесь Суворов оберегал Русь от набегов степняков. В пути нам встретилось много гадюк, одна вырыла нору прямо на дороге, засунула туда голову и хвостом как циркулем водила по дороге. Мы страшно боялись наступить ногой на гадюку. Всего в тот день мы прошли 30 километров.

Летом в город, из станицы Дербетовка, что на Ставрополье, приезжал мой дед Николаев Иван Васильевич. С ним мы ходили на хутор к деду Егору. Оттуда он сам ходил к совхозу «Челюскинцы» и в степи нашёл незапаханные развалины своего хутора. Большую часть времени он молчал, таким я и запомнил его - молчаливым, небритым.

Глава шестая. **ЧЕТВЁРТЫЙ КЛАСС**

В конце лета к маме пришла Екатерина Яковлевна и сказала, что её переводят завучем в 20-ю школу. Она предложила маме перевести меня в эту школу: наверное, боялась за меня. В новой школе я помню только класс с высокими потолками и большими окнами. Нас собрали всех на линейку и сказали, что умер Михаил Иванович Калинин. В новой школе ребята были все незнакомые, мне это не понравилось, и я вернулся в родную школу. Новая учительница молоденькая Екатерина Ивановна и ребята мне обрадовались. Моё место за последней партой в третьем ряду было свободным. С Володей Ильюшенко мы помирились, меня снова выбрали командиром отряда. Васюру снова посадили, и в банде про меня забыли. Списывать я давал всем, кто хотел.

В феврале приехал отец, его приняли в «Бондарку» сменным мастером ящечного цеха. Оклад дали 400 рублей. В смене у него было 35 женщин, мужчин не было. Женщины его любили, он их, наверное, тоже. Однажды я пришёл к нему после смены: как раз когда женщины его завалили на кучу опилок и щекотали. Щекотки он очень боялся и кричал во все горло. Мама его постоянно к кому-нибудь ревновала.

Четвёртый класс был выпускным, и надо было сдавать четыре экзамена: по русскому языку письменно (диктант), по арифметике письменно и устно и по чтению. Все экзамены я сдал на отлично и получил похвальную грамоту, на которой были изображены портреты Ленина и Сталина и надпись: «За отличную учёбу и примерное поведение».

Весной дедушка нам подарил молодую тёлку Миньку, и мы на лето выехали с ней в совхоз «Челюскинцы». В этом совхозе главным агрономом был наш сосед дядя Ваня Заломин. Жили мы в землянке и часто ночевали с Вовкой Заломиним одни. Вовка спал на лежанке, а я на полу, головой к порогу. В порожек был вбит кол, к нему привязывали заломинскую козу. Однажды к землянке подошли волки, коза бляела, а мы спали и ничего не

слышали. Её вместе с колом волки утащили у меня из-под головы. Говорят, что волк её нес, перекинув через плечо.

У Вовки в совхозе была подружка Ира, она всюду ходила за ним. Однажды Вовка завел её за хату, там он заставил Иру раздеться. Голую он уложил её в лебеду. По команде Вовки она послушно показывала все прелести худенького девичьего тельца. Мне было стыдно, но с этого урока анатомии я не ушёл.

В августе отцу дали для меня путёвку в школьный пионерский лагерь. Школа находилась на перекрёстке улиц Сталина и Молотова, недалеко от моря. Каждый день мы ходили купаться, строем под барабанный бой. Вечерами мы играли в волейбол. Играл я хорошо, и физрук включил меня в сборную нашего лагеря, состоящую в основном из ребят первого (старшего) отряда. Мы соревновались с командами других лагерей и заняли первое место. В лагерь приходил фотограф и сфотографировал наших волейболистов. У меня есть это фото, на нем я стою одиннадцатым, справа.

Волейбольная команда в школьном лагере

В отряде девочек была моя будущая жена. Правда, я тогда не знал об этом. Её приняли в лагерь как дочь повара лагерной столовой, т.е. моей будущей тёщи. В их семье сохранилась вторая фотография того времени, групповая, снятая на берегу моря.

В последний день был большой прощальный пионерский костер. В эту ночь мы не спали и веселились почти до утра.

Часть третья. ОТРОЧЕСТВО

*Тихий отрок, чувствующий кротко,
Голубей целующий в уста, -
Тонкий стан с медлительной походкой
Я любил в тебе, моя мечта.*

С. Есенин

Глава первая. ПЯТЫЙ КЛАСС

В 1948 году кто-то принял мудрое решение - восстановил смешанное обучение. В нашем классе появились шесть девочек, это было неожиданно, у нас, мальчишек, перехватило дух.

Школа переехала в свое законное здание, а госпиталь перевели в другой город. Забор убрали, здание отремонтировали. Наш класс стал пятым «Б». Классным руководителем назначили учителя биологии, жену нового директора школы, Анастасию Ефимовну Лемеш.

Наш класс был на втором этаже, окна в нём были большие и светлые, выходили на солнечную сторону. По партам расселись мы по желанию. Я выбрал предпоследнюю парту в третьем ряду у окна, за этой партой я просидел до окончания школы. Девочек Анастасия Ефимовна ввела в класс с первым звонком. Робкой кучкой девчонки стояли у двери. Посадила она их равномерно по рядам. В первом ряду за первой партой сели Рая Маренко и Люда Пилипенко, во втором ряду за предпоследней партой - Неля Вальковская и Таня Титова, в нашем ряду, прямо передо мной сели Алла Кошман и Люда Кравченко.

С первого дня мне понравилась Рая Маренко, она была постарше и повыше всех. Отец у неё был военный, у него был автомобиль «Москвич», но через полгода они уехали из Ейска и мои симпатии перешли к Алле Кошман.

Моя будущая жена сидела в классе тихой мышкой и ничем не обращала на себя внимания: руку не поднимала, у доски отвечала тихо, на переменах не позволяла подергать себя за косы. С Анастасией Ефимовной мы начали сажать деревья для школьного сада.

В декабре у меня родились сестры-двойняшки, Оля и Таня. Мама очень обрадовалась, за третьего ребенка она ожидала получить 600 рублей, а получила ещё 800 за четвертого - это было почти в четыре раза больше месячной зарплаты отца!

Мы помогали маме нянчить сестёр. Их мы сразу поделили между собой: я взял себе Олю, а Рая - Таню. Мне на руки давали ребёнка только на подушке, и я сразу приспособился - стал приматывать её к подушке. Весной я со своим ребёнком уже выходил на улицу, у дома была цветочная клумба, обложенная поставленными углами половинками кирпича. Об эти кирпичи я споткнулся и упал, но благодаря моему изобретению Оля совершила мягкую посадку и не пострадала.

В школе мне всё нравилось: новые предметы, новые учителя, особенно мне понравился учитель литературы Павел Фёдорович Плотников, Пава - так уважительно мы его звали. Он заставлял учить наизусть много стихотворений, учил писать изложения.

Уроки географии преподавала Вера Андреевна Бедарева. Она строго требовала кратко и исчерпывающе отвечать на поставленный вопрос. Часто повторяла пройденный материал.

Зимой вышел фильм «Молодая гвардия». О героях-молодогвардейцах мы знали с первого класса. Сейчас же нам сказали, что в фильме снимались бывшие ученики нашей школы - Сергей Бондарчук и Нонна Мордюкова. По очереди все классы посмотрели этот фильм. После на уроке литературы Павел Федорович спросил, кто мне понравился больше

всех. Я ответил: «Сергей Тюленин». Он стал моим кумиром на всю жизнь. Позже рядом с Тюлениным встали маршал Жуков и Сергей Есенин.

В 1949 году страна праздновала 100-летие со дня рождения Пушкина. Мне купили книгу сочинений Пушкина, толстую, с картинками. Вскоре всю её я прочитал, портрет Татьяны Лариной в этой книге я разлиновал карандашом на 300 квадратиков, увеличил, срисовал и раскрасил акварельными красками. Её платье я выкрасил в голубой цвет. Письмо Татьяны я выучил и запомнил на всю жизнь:

*Я вам пишу - чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.*

На лето с коровой меня снова отправили в совхоз. Был жаркий день, когда кто-то привёз из города печальную весть - умер Поддубный. На его похороны приехали представители 49 федераций по всем видам спорта. Похоронная процессия шла по улице Карла Маркса, перед гробом несли 49 венков. Количество федераций запомнил легко – по 49 году.

В августе я снова ушёл в туристический поход. На разряд требовалось сделать поход с руководством группой, это руководство Щербаков доверил мне. Группа состояла из семи мальчишек, моих сверстников, а маршрут пролегал в Ростовскую область, в Александровский лес.

Всего нам предстояло пройти 280 километров. В Александровском лесу все деревья были посажены людьми. Лес был красивый, через него протекала река Мокрая Чумбурка. Палаток у нас не было, но был кусок брезента. Мы могли вязать шалаши из камыша.

Едва мы подошли к реке, как сразу бросились купаться. В это время пошёл сильный дождь. Прикрыв рюкзаки брезентом, мы переждали дождь в воде. Потоки дождевой воды текли в реку по крутому склону, где лежали наши вещи. Ливень кончился. Мы разложили сушить на траве свою одежду и начали разбирать рюкзаки. Тряпочные сумочки с сахаром и солью оказались пустыми: потоками воды сахар и соль смыло в реку, хлеб и крупа намокли. Вот во что обошлась нам главная заповедь туриста: первоначально позаботиться о жилье.

На следующий день, когда мы в камышах ловили руками раков, к нам подошёл местный рыбак и предложил свой невод. Неводом мы быстро натаскали полмешка раков, а вечером под раскидистой ивой мы их сварили и съели. Ночью мы все корчились от боли и бегали из шалаша. Утром узнали, в чём дело: у костра лежала гора зелёных раковых панцирей. Оказывается, при свете костра раки в ведре казались красными, и мы съели их сырыми, вдобавок без соли.

Через несколько дней мы поправились, отметили в лесничестве маршрутный лист и под вечер ушли в обратный путь. За ночь мы прошли 70 километров по тракту и вышли к станции Елизаветенской. Мы торопились, так как «раковая болезнь» задержала нас на два дня. Дома волновались. Впереди был очень трудный участок пути - 30 километров в обход плавней до станции Екатериновки, по карте она была лишь в 7 километрах от нас. Посоветовавшись с местными жителями, мы решили идти напрямик через плавни. «Ничего, пройдете, у нас там вешки стоят. Если собьётесь, берите левее». Мы торопились пройти весь путь, пока ещё солнце не поднимется высоко. Вешки мы быстро потеряли и заблудились - помог компас. Шли по пояс в воде, рюкзаки держали над головой. Вода во фляжках быстро закончилась, а воду из плавней нельзя было взять в рот, она была горькой. Тело пропиталось солью и горело. До Екатериновки мы добрались поздно вечером, ночевали прямо на дороге возле первой хаты. Утром нас разбудило стадо коров. Мы отмылись у колодца. Станишницы напоили нас молоком. Пошли дальше, в Старощербиновке решили сесть на поезд. Утром мы собрались в Доме пионеров. О своих приключениях мы умолчали. Борис Васильевич поздравил нас с успешным окончанием похода, а мне присвоили III разряд по туризму.

Сейчас в районе Екатериновки-Старо-Щербиновки строится игорная зона Юга России.

Этот год для меня ознаменовался ещё одним событием - я научился добывать хлеб.

Ещё в конце 1947 года в стране отменили карточную систему, хлеб стали продавать в коммерческих хлебных магазинах. Таких магазинов в городе было несколько, и очереди там были многотысячные. В них стояли всей семьей, так как в одни руки давали по одной буханке хлеба. Очередь пересчитывали вечером и утром, свой номер записывали на руке химическим карандашом. За день очередь продвигалась сотни на три-четыре. Утром перед открытием магазина надо было всем прийти на переключку, и так каждый день. Скоро появились дельцы, которые спекулировали хлебом здесь же возле магазинов, из-под полы. Милиция с ними боролась, но они были неистребимы.

Рабочие покупали хлеб после работы в магазинах на территории заводов. Отец по роду службы не мог быстро уйти с работы, и вся надежда возлагалась на меня.

В сорок девятом году городские власти приняли решение - хлеб продавать во всех продуктовых магазинах. Жить стало легче. Ночные очереди милиция разгоняла, разрешили занимать очередь с утра.

В городских очередях стояли законопослушные ветераны, стройной цепочкой двигались они вдоль стены магазина. В семь утра магазин открывался, и наблюдающий по десять-пятнадцать человек запускал внутрь. В момент открытия злоумышленники создавали толчею у входа, норовя заскочить в магазин без очереди. Среди них был и я: ловко орудуя локтями, я просачивался сквозь толпу и с первой партией очередников проскакивал в магазин. Так ежедневно, ещё до школы я успевал принести домой буханку хлеба.

С детских лет у меня воспиталось уважительное отношение к хлебу. Я и сейчас хлебные крошки со стола собираю в ладонь и съедаю.

Глава вторая. ШЕСТОЙ КЛАСС

Начало этого учебного года мы ждали с особым интересом. В классе были девчонки, не хотелось перед ними плохо выглядеть. Брюки выгладил в стрелку, сапоги обильно наваксил кремом, пуговицы кителя выдраил зубным порошком до блеска. Традиционно я сел за последнюю парту в третьем ряду с Володей Харитоновым. Перед нами сидели Люда Кравченко и симпатичная мне отличница Алла Кошман.

Учёба давалась мне легко, в школу я всегда приходил с выученными уроками. Активничал, всегда поднимал руку, напрашиваясь на ответ. Особенно мне нравились математика и литература. В тот год в класс пришла новая учительница Дарья Прокопьевна Одегога, она преподавала химию. Она была старше всех учителей, преподавала ещё до революции. Уроки вела интересно, ставила много опытов.

Под Новый год я, возвращаясь с Бондарки, около товарной станции за вокзалом нашёл большую сосновую ветвь с шишками. Дома прикрепил ветвь в углу комнаты, сделал несколько цепочек из раскрашенных акварелью бумажных колец, украсил ими сосновую ветвь. Над ней повесил красиво раскрашенный лозунг «С Новым 1950 годом!».

В начале третьей четверти старшая пионервожатая начала готовить меня к вступлению в комсомол. С ней я выучил Устав ВЛКСМ, узнал всех руководителей компартий мира, хорошо запомнил подвиги героев-комсомольцев в годы войны. 14 марта, в день моего рождения, я подал заявление с просьбой принять меня в члены ВЛКСМ.

Приём в комсомол в горкоме был уже в апреле. Цвела белая акация, её ароматом был наполнен воздух. Во дворе ГК ВЛКСМ росла единственная в городе берёза - её молодая, светлая, весенняя зелень запала в душу на всю жизнь. Помню ещё, что один из вопросов, заданных мне в горкоме, был: «Кто является секретарём компартии Италии?» «Пальмиро Тольятти!» - без запинки ответил я.

Вскоре после утверждения в горкоме меня избрали комсоргом класса.

К концу учебного года у нас появился новый ученик Володя Ганин. Их семья переехала в Ейск из Сибири, кажется, с Алтая. Поселились они в соседнем доме, где жили раньше Крампеты, репатриированные в начале войны. Семья Ганиных была большая. Старшая сестра Галина училась в педучилище на преподавателя физкультуры, младшие братья Жора и Саша учились в школе. Отец Володи работал на заводе «Запчасть». Он любил играть в шахматы, а у меня уже была пятая категория по шахматам, и я, расставив фигуры, дожидаясь возвращения с работы Ганина-старшего. Пока подогревалась вода для помывки, мы успевали сгонять пару партий. Ежедневно мы играли по десять партий.

В третьей четверти в нашем классе появился новичок Николай Пчелин. Он был на два года старше нас, вёл себя по-взрослому независимо, курил.

В конце апреля мы с ребятами начали ходить на море, купаться. Излюбленным нашим местом был мол городского порта. Когда штормило, волны перекатывались через каменную стену мола. В порту же была гладь. Мы приспособились к игре волн, заплывали к оконечности стены порта, на гребне волны нас выносило на верх стены. Разместившись на ней, мы ожидали, когда волна уйдёт, вскакивали и пробегали полтора десятка метров в сторону берега и падали на мол снова. Так продолжалось до тех пор, пока сила волны не ослабевала и не могла уже смыть нас. Отдохнув немного, мы снова и снова повторяли заплыв. Вечером, проголодавшиеся, уставшие и довольные, мы возвращались домой.

Николай быстро усвоил мою любовь к морю и начал агитировать поступать после седьмого класса в Ростовское мореходное училище. Он сел за мою парту и стал без стыда и совести списывать у меня все контрольные. Николай рассчитывал на моих плечах «въехать в рай».

6 Б класс средней школы №1
Ейск, июнь 1950 г.

Шестой класс я закончил с отличием. Летом на хутор я не поехал, так как мы с Вовкой Ганиным устроились работать во второе отделение плодово-овощного совхоза. Это было километрах в трёх от нашего дома. На работу каждый день в шесть утра ходила полуторка, которая забирала нас на углу Пушкинской и Гоголя. На обед мы брали по бутылке молока и ломтю хлеба, остальной пищей были совхозные овощи и фрукты.

Запомнился такой случай. Приехав на работу, я взвесился - было 46 кг. Подошёл к ящикам с абрикосами и стал завтракать. Вначале ел переспелые, мягкие, тёмно-оранжевые, в крапинку, затем стал отбирать чуть зеленоватые, твёрдые с кислинкой. Перед началом рабочего дня взвесился вновь - 50 кг. Молоко с хлебом мы ели только на обед.

Собранный урожай грузили допоздна, домой уезжали последними. Если был хороший, добрый шофёр, брали домой по большой сумке-наволочке абрикос. За месяц заработал себе деньги на часы «Победа» и засушил на зиму вишни и абрикос.

Глава третья. СЕДЬМОЙ КЛАСС

Николай Пчелин завладел мною полностью с первых дней учебного года. Я пересел к нему за парту. Списывал он у меня всё подряд. По субботам и воскресеньям он брал меня с собой на танцы на летнюю танцплощадку консервного завода. Танцевать я любил, особенно вальсировать. Стояла жаркая осень. Мама сшила мне розовую капроновую рубашку. Этот материал был большим дефицитом. После танцев воротник сильно загрязнился, но я нашёл выход. Рубашку выворачивал наизнанку и выпускал воротничок поверх пиджака. В результате одной стирки хватало на неделю.

После окончания второй четверти классная руководительница Лемеш Анастасия Ефимовна убедила меня остаться в школе до получения среднего образования. Как только я объявил Пчелину, что в мореходку не пойду, а буду учиться дальше, он потерял ко мне всякий интерес и вскоре вообще исчез из школы.

Мы снова сидели за одной партой с Володей Харитоновым. Вместе со своим братом Эдуардом они мечтали пойти учиться в Ейское ВВМОЛАУ (Высшее Военно-морское ордена Ленина авиационное училище имени И. В. Сталина). Сейчас это училище носит имя окончившего его космонавта Комарова. Это училище окончили первый Герой Советского Союза лётчик-челюскинец А. В. Ляпидевский, лётчики-космонавты П. И. Беляев, Г. С. Шонин, пять дважды героев и более двухсот героев СССР. Свою мечту братья Харитоновы осуществили, они поступили в училище.

Меня по-прежнему увлекал спорт. Я очень любил шахматы, в сентябре 1951 года мне была присвоена пятая категория. Любил плавание, прыжки в высоту и длину, самозабвенно играл в футбол вратарём. Увлекался также спортивным туризмом, ходил в городской Дом пионеров, в туристический кружок, который вёл директор Борис Фёдорович Щербаков. Поработав в начале лета на кирпичном заводе и заработав денег, я ушёл с группой Щербакова в турпоход по маршруту из Майкопа в Сочи через Главный Кавказский хребет. Этот переход имел вторую категорию сложности, включавшую в себя элементы альпинизма, и заслуживал присвоение второго разряда по туризму. Мы не имели специального снаряжения. В обычных парусиновых туфлях особенно трудно было преодолевать ледник, который встретился нам на спуске с горы Фишт, на высоте 2800 метров. Самовольно отклонившись от маршрута в обход ледника, выбранного руководителем похода, я спустился в считанные минуты по леднику на самшитовой палке, опередив группу на два часа. В наказание Борис Фёдорович до конца похода возложил на меня обязанность драить после обеда закопчённые на костре котелки.

Запомнились альпийские луга Партизанской поляны. Эта поляна известна тем, что во время войны наши партизаны не пропустили к Сочи части немецкой отборной горной дивизии «Эдельвейс».

Владимир Николаев с другом
Владимиром Харитоновым
1 мая 1952 г.

В Сочи мы неделю прожили в помещении Дома пионеров. Ходили на экскурсии, купались. Посетили Дом-музей Николая Островского. Тогда он ещё не был взят под стекло. Это было обычное жилое помещение. В первой половине дома был музей, а во второй жила с семьёй сестра Николая Екатерина Алексеевна. В центре музейной комнаты стояла кровать, на ней лежал трафарет, слева стояли столик и два стула. На стене висел красноармейский шлем с вшитой красной звездой. Пройдя вдоль забора, мы увидели, как чуть поседевшая сестра Островского кормила кур, а поодаль играли ребятишки, очевидно, племянники героя.

Подвиг Островского глубоко запал в душу. Его книги я перечитывал несколько раз, а его слова о самом дорогом у человека - жизни, которую «прожить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое» стали моим жизненным принципом.

Горный переход - это не для нетренированных мышц. Удивительно, но самым трудным в походе был спуск. Если при подъёме в горах самое большое значение имеет дыхание, попал дыханием в такт работы сердца - ты на коне. А вот спуск включает в работу совсем другую группу мышц. Кроме того, нужно постоянно следить взглядом за убегающей вниз каменистой тропой. В результате, возвратившись домой, мы отдыхали полмесяца. В эти дни я прочитал «Тихий Дон» и «Хождение по мукам».

Глава четвёртая. ВОСЬМОЙ КЛАСС

Люся Пилипенко и Владимир Николаев
1952 г.

Начало нового учебного года ознаменовалось новым событием - многие ушли из класса. В класс пришли новые ученики, а главное - новые ученицы. Мне понравилась новая ученица - Люда Соловей. Она жила на нашей же улице, в одном квартале от нашего дома. Я часто ловил момент, уходя из школы по Гоголя и Пушкинской, шёл рядом. Много болтал, стараясь показать, какой я умный и грамотный. Часто поворачивал не налево, к себе домой, а направо - к её дому. Однажды, задержавшись у её калитки, стал читать наизусть «Слово о полку Игореве». В ответ услышал: «Да пошёл ты!» - и хлопок калитки.

Это задело меня за живое, и вечерами, возвращаясь домой от Володи Харитонов, который жил тоже на нашей улице, за полквартала до её дома, начинал орать песню: «Придавили сердце, придавили, отобрали волюшку мою, золотые кудри поредели, знать у края пропасти стою...». На этом мои любовные искания закончились. Я, наконец, обратил внимание на

тихонькую скромную девочку из нашего класса - Люсю Пилипенко. Она по-прежнему сидела за первой партой в первом ряду и очень внимательно слушала всех отвечающих.

Когда я блистал знаниями у доски, мне казалось, что в её красивых карих глазёнках светились яркие лампочки. Учились мы во вторую смену, и я стал после школы провожать её домой на улицу Победы. Ей трудно давалась математика, и я часто объяснял ей пройденный материал. Недалеко от их дома стоял сваренный из металлических швеллеров столб линии высоковольтной передачи. Я мелом на гладкой поверхности столба чертил ей доказательства теорем. Один такой чертёж мы не стёрли и, проржавев, он долгие годы сохранился. Приезжая в Ейск из Томска, мы долго вспоминали эти дни.

С начала года я записался в драмкружок Дома пионеров. Кружок вела молодая женщина, жила она с матерью, пенсионеркой, бывшей актрисой Малого театра Бриккерт.

Мать часто помогала дочери проводить репетиции. Мы играли несколько чеховских водевилей. После Нового года мы стали готовиться к краевому смотру художественной самодеятельности. Руководительница взялась поставить «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Бриккерт-старшая сделала ремарки, убрала треть текста. Мне она дала роль Молчалина.

Руководитель кружка терпеливо выправляла мой кубанский говор, и она добилась правильного произношения. Через два месяца спектакль был готов. Первую постановку мы дали в городском Доме культуры. Чацкого великолепно сыграл Борис Владимиров из 51-й школы, Фамусова - Эдуард Франковский из нашей школы. Я пьесу хорошо запомнил, недавно проверял - помню добрую половину текста. На каникулах, на краевом смотре, мы заняли почётное третье место. Возвратившись из Краснодара, я снова пошёл работать на кирпичный завод.

Часть четвёртая. ЮНОСТЬ

Глава первая. ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

В конце сентября наш класс отправили на неделю на уборочную в совхоз на Переправу. Переправа- это наиболее узкое место, отделяющее Таганрогский залив от Азовского моря.

Нам досталось убирать помидоры. Помнится огромное поле, усеянное засохшей ботвой с красными плодами. Жили мы в большой хате, спали прямо на полу. В одной комнате - девушки, в другой - юноши. Вечерами нам показывали в клубе кино, мест не хватало, и сельчане шли в клуб со своими табуретками. Из совхоза мы возвращались на открытой бортовой машине. Моя подруга стояла у кабины, а я, обхватив ее за плечи, крепко прижимал к борту. В первый же день после совхоза, возвращаясь из школы, мы впервые поцеловались.

9 класс ейской школы №1
1953 г.

Октябрьские праздники мы вскладчину встречали у Жени Сухач. Пекли самодельный торт, пили сидр. С нами была ещё ученица из нашего класса, подруга Люси - Люба Сердюкова.

В школе снова сменилась часть учителей: математику вела Надежда Фёдоровна Резникова, литературу и русский язык - Ольга Николаевна Андреева, историю – Анатолий Петрович Корнильев. Он был делегатом Пятого лондонского съезда РСДРП, встречался с Лениным. Позже, в 10 классе, он вёл логику и психологию. Знал он много, рассказывал интересно, но дисциплины на уроках не было. Призывая класс к порядку, он опускал облысевшую голову, глядя поверх очков, и восклицал: «Класс, встать! Класс, сесть!»

5 марта страшная весть потрясла Советский Союз - умер Иосиф Виссарионович Сталин. В актовом зале школы состоялся митинг. Все плакали, от учеников выступил Эдуард Франковский. Затем все школы и предприятия собрались на улице Мира, около ГК партии. Шёл мокрый снег с дождем. Вдоль улицы на столбах висели репродукторы, транслировался митинг из Москвы, жуткое воздействие оказало выступление Л. П. Берия.

Жизнь продолжалась. 14 марта, день рождения. Людмила подарила мне записную книжку. Она сохранилась. Особенно волнительно читать записи тех, более чем полувековой давности лет.

Близились экзамены. Классный руководитель Зинаида Васильевна Иноземцева (Зева звали её в школе) закрепила лучших учеников за отстающими. Мне досталась Эмма Кимасова, она пришла в класс в начале четвёртой четверти, отец был военный. Из-за частых переездов она отставала по программе. Зева не хотела, чтобы я дружил с Людмилой, и всячески старалась помешать этому, но я сказал, что буду помогать ей сам, а шефство над Кимасовой будет моей дополнительной нагрузкой. Эмма была грамотной девочкой, и мы быстро проработали материал.

В классе были ежемесячные родительские собрания. В конце марта Зева пригласила на родительское собрание меня в качестве комсорга класса. В числе отстающих учеников она назвала Людмилу Пилипенко. Выступая, я обратил внимание родителей, кто какой предмет плохо усвоил и кому что надо доработать. Нине Владимировне, маме Людмилы, моё выступление понравилось. Вскоре моя подруга сказала, что мама считает: лучше, если я помогать буду не на улице, а дома. Так я впервые вошёл в дом моей будущей жены. Учились мы во вторую смену, уроки делали днём, перед школой. Радостную встречу меня во дворе их дома запечатлел на фото старший брат Людмилы – Борис.

Глава вторая. ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Смерть Сталина разбудила общественное сознание. С начала учебного года десятиклассники стали собираться на дому группами вокруг классных авторитетов. Особо запомнились встречи у Эдуарда Франковского. Мама Эдуарда при жизни Сталина работала в его секретариате, о многом она рассказывала сыну. А он делился этой информацией с избранными одноклассниками. Мама Эдуарда всегда была на этих встречах, молча, угощала нас чаем, иногда поправляла или дополняла рассказ сына. Как замороженные были мы на этих посиделках в квартире Франковских. Девушек на этих сборах не было.

Девичья группа собиралась на квартире Аллы Автономовой на улице Павлова, иногда Алла приглашала и нас, юношей-одноклассников.

В школе просвещала нас литераторша Ольга Николаевна Андреева. На своих уроках она предлагала записывать то, что не найдёшь ни в каких учебниках, и начинала диктовать нам анализ произведений Достоевского. Лучших учеников она приглашала к себе на квартиру, в полуторный дом, напротив дома родителей Сергея Бондарчука, где мы обсуждали многие, даже не литературные темы. Неизменными участниками этих сборов были два моих школьных товарища - Борис Суховецкий и Василий Чертов.

Вот в какое интересное время проходила учёба в десятом классе.

Выпускные экзамены я сдал все на пять, но в Краснодаре, куда посылали на проверку письменные работы, снизили оценку по русскому языку до четверки, потому что я одну мысль выразил без сказуемого. Мне присудили серебряную медаль.

Десятиклассники: Василий Чертов, Борис Суховецкий и Владимир Николаев
Ейск, 1954 г.

Военкомат и ГК ВЛКСМ послали рекомендации принять меня в Высшее военноморское училище имени Ф. Э. Дзержинского в г. Ленинграде. Так было ежегодно, но на этот раз пришёл вызов в Академию связи. У меня было особое отношение к связистам. Отец попал в плен под Смоленском, когда тащил, разматывая, катушку с проводом для связи со штабом полка. От Академии связи я отказался и послал запрос в четыре вуза: в Московский инженерно-физический, Свердловский, Томский и Иркутский политехнические на физико-технический факультеты. Положительный ответ прислали все четыре вуза. В выборе куда ехать, сыграли роль две вещи: художественный фильм «Случай в тайге» и песня Петра Лещенко «А я Сибири, братишка, не боюсь, Сибирь ведь тоже Русская земля». К тому же в Томске был мединститут, куда мечтала поступить Людмила.

Перед самым отъездом в Ейске произошло полное солнечное затмение. Удивительно, как вели себя животные: лаяли собаки, неистово бегали в темноте куры, бегали и кричали.

Когда мы с Людмилой уезжали учиться в Сибирь, на перрон Ейского вокзала нас пришли провожать пятьдесят три моих и Людмилиных родственника. Мой крёстный Фёдор Григорьевич Яковенко завёл меня за вагон, снял с себя розовую капроновую соколку и подарил мне на память, при этом сказал: «Это тебе на память, никогда не говори, что ты из крестьян». И можно проверить, во всех автобиографиях я писал: «Родился в семье рабочего Макеевского металлургического завода». И это было правдой.

В Москве нас встречала мамина сестра Лидия Георгиевна Петренко, учитель начальных классов одной из московских школ. Жила она в Пушкинском студгородке, рядом был Останкинский пруд, дворец графа Шереметьева и Пушкинский рынок. За три дня нашего пребывания в столице она показала нам ВДНХ, провезла по кольцевой линии Метрополитена, на каждой станции мы выходили и смотрели это чудо техники. В Мавзолее мы посмотрели забальзамированных В. И. Ленина и И. В. Сталина. Побывали на Новодевичьем кладбище и в Третьяковской галерее.

Часть пятая.

ФТФ ТПИ

Глава первая.

АБИТУРИЕНТЫ

19 июля 1954 года мы, то есть я, Владимир Николаев, и моя подруга Людмила из далёкого южного городка Ейска, что находится в Краснодарском крае, приехали в Томск учиться.

Только что прошёл дождь, в лужах отражались облака сибирского неба, было прохладно. На вокзале нас встречали представители приёмных комиссий. Мы подошли к комиссии медицинского института, т.к. Люда собиралась поступать туда. Был уже конец рабочего дня, и нам дали направление в общежитие, что на пересечении улицы Розы Люксембург и переулка Красного. Переночевав в комнате с ребятами, поступающими на лечфак, утром я отправился в приёмную комиссию Политехнического.

На первом этаже стояло 16 столов - столько тогда было факультетов. Последним после факультета лесного хозяйства стоял стол ФТФ. В комиссии, узнав, что я медалист, сказали, что мне сдавать экзамены не надо - вопрос о моём зачислении будет решён после собеседования - и посоветовали пройти на второй этаж для постановки на комсомольский учёт. Запомнилась центральная лестница главного входа. Вышарканная за шестьдесят лет своего существования сотнями тысяч ног, она чем-то напоминала горную тропу Главного Кавказского хребта. На втором этаже напротив актового зала висела табличка «Секретарь ЦК ВЛКСМ Владимир Иванович Коньков». В фойе стоял столик технического секретаря, она записала все мои учётные данные, затем пригласила к Конькову на собеседование, в ходе которого он поинтересовался, почему я выбрал ФТФ, какие мои любимые предметы, какой общественной работой занимался, спортсмен ли? На следующий день ко мне в 10-ю комнату общежития на Кирова, 4, куда меня поселили, зашёл высокий коренастый парень и представился студентом 4 курса ФТФ, секретарём комитета ВЛКСМ факультета Юрием Литвинцевым. Оказалось, что он уезжал на каникулы и Коньков посоветовал комсомольские дела передать мне: видимо, решили, что я справлюсь, т.к. к тому времени я имел опыт комсомольской работы в школе.

В тот же день Юрий познакомил меня с секретарём Кировского райкома ВЛКСМ Александром Ивановичем Бортниковым, который договорился, что отработку положенных 50 часов за проживание в общежитии я начну в райкоме в ремонтной бригаде студентов. После завершения ремонта райкома, мы перешли работать на закладку фундамента арки Доски почета на ул. Кирова возле ТЭЛЗ.

На ФТФ всё прибывали и прибывали медалисты, в результате только в нашей 044/1 группе их оказалось десять человек. Конкурс был громаден, сдавали семь экзаменов, проходной балл был 33 из 35!

Это был первый прямой набор на факультет. В числе зачисленных были дети известных в городе людей: сын ректора ТПИ Владимир Воробьев, сын декана ФТФ Гелий Титов, сын профессора химфака Андрей Тронов. Все они были медалистами.

После отработок я бежал в сквер у СФТИ, что у Мединститута. Там на «нашей» лавочке меня ждала Людмила. Она сдавала экзамены на педиатрический факультет. Проходной балл 22 из 25, ещё часть с 21 баллом приняли из не нуждающихся в общежитии. Жаль, что мы не додумались отказаться от общежития, и Людмила, набрав 21 балл, забрала документы и поступила в фармучилище.

Глава вторая. ПЕРВЫЙ КУРС

Проучившись три дня, мы решили все организационные вопросы: выбрали старосту, профорга группы, комсоргом стал я. После этого мы выехали на сельхозработы в село Михайловка Зырянского района. Руководителем с нами поехал молодой специалист, выпускник радиотехнического факультета, будущий ректор ТПИ Иван Иванович Каляцкий.

На сельхозработках в с.Михайловка Зырянского района.
Г. Мальчиков, В. Николаев, А. Рузманов.
1954 г., сентябрь

С первых дней сказался мой юношеский опыт полевых работ, на копнении сена я заработал 4,5 трудодня. Работать на комбайне приходилось намного труднее, чем на Кубани. Стоя вдвоём на площадке комбайна, мы принимали зерно в мешки и отправляли на крытую сушилку. Просушенное зерно вновь затаривали в мешки и грузили в автомобиль. Трактор сцепку из двух автомобилей отвозил в Зырянку. На одну поездку тратилось 7 часов. Обычно это делалось ночью, трудно свой хлеб добывал человек.

Возвратившись из колхоза, мы расселились по комнатам, образовали коммуны. Я входил в коммуну 105-й комнаты на Кирова, 4. Кроме меня в неё вошли

Александр Науменко, известный в будущем инженер-изобретатель восьмидесятого завода нашей отрасли в г. Новосибирске, Геннадий Огарков, будущий заведом радиационной безопасности ТПИ, Валентин Лыхин - в будущем КТН, научный сотрудник атомного реактора в пос. Спутник, Валерий Черкашин - будущий главный инженер всесоюзного объединения «Азот» (вскоре его за две тройки на экзаменах перевели на ХТФ), его место занял Юрий Ревенко, будущий главный инженер завода в Красноярске-26.

Наша группа жила ещё в 106-й, 107-й и 135-й комнатах. Особняком держалась 173-я комната: они жили на 4 этаже и с нами общались лишь на занятиях. В коммуне 173 комнаты жили будущий директор ВНИИПИЭТа Виталий Мишин, будущий профессор Северной технологической академии Владимир Хохлов, будущий главный технолог ОГК СХК Володя Сапожников.

На первом курсе меня избрали в бытсовет общежития ответственным за идеологическую работу. К этому времени относится начало моей лекторской работы: первой я подготовил лекцию о дружбе и товариществе. В ней рассказывалось о дружбе великих людей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Учёба на первом курсе проходила в тяжёлое время. После смерти Сталина Берия объявил амнистию - из тюрем выпустили сотни тысяч заключенных. Милиция была не в состоянии поддерживать порядок. Из радиопередач мы знали, что в городе проживает 16 тысяч неработающего населения: бандитов, спекулянтов и жуликов. Они враждовали со студентами. Однажды между нами произошло настоящее сражение. Для оказания помощи милиции Зенитно-артиллерийское училище выкатило на проспект пушки и произвело несколько холостых залпов поверх голов.

Первую зиму в Томске я провел очень тяжело. К суровому сибирскому климату мой организм оказался неприспособленным. Шапку я носил с опущенными ушами. Стоило лишь раз не завязать её под подбородком, как мочки ушей сразу оказывались обмороженными. В ту зиму уши я обмораживал несколько раз.

Жизнь в коммуне была очень интересной. Скидывались мы по 250 рублей, казначей был Геннадий Огарков. Вёл дело он очень умело, даже умудрялся экономить на выпивку.

В коммуне я много раз выражал мысль стихами, ребятам это нравилось. Однажды поспорил на 10 пирожных, что смогу 10 часов без перерыва читать стихи, выполнение обещанного началось немедленно. Начав с лермонтовской поэмы «Мцыри», я перешёл к Симонову. Ребятам надоело, и они попросили замолчать. Я не сдавался, они стали затыкать рот подушкой. В ответ услышали: «Рот заливали свинцом и оловом...» Наконец, меня выдворили в коридор, поэму Маяковского слышали проходящие мимо меня по лестнице студенты. Прибежал посыльный: «Всё, Вовка! Сдаёмся! Иди в комнату». Десять пирожных я съел сам, запивая чаем.

Коммунары 105-й комнаты: В. Николаев, В. Лыхин,
А. Науменко, Г. Огарков, Д. Ревенко
1956 г.

Ещё одна моя способность развлекала ребят - я отборно матерился. Они решили отучить меня от этого. За каждое матерное слово ввели штраф 5 копеек. Как-то я повесил сушиться свежестиранное белье на верёвку и вышел в коридор. Возвращаюсь - верёвка развязана, бельё на полу. В этот раз на штрафные деньги коммуна купила утюг.

Сессию я сдал на хорошо и отлично и на летние каникулы мы с Людмилой уехали в Ейск. В Ейске мы впервые встретились с Сергеем Бондарчуком, нашим земляком. Он приехал к родителям со съёмки фильма «Кавалер Золотой Звезды», часто прогуливался по центру города в зелёной гимнастёрке с широким ремнём. Тогда же приезжала его первая жена - Инна Макарова с дочкой Наташей. Через три года Сергей приезжал со своей второй женой - Ириной Скобцевой. С ними мы встречались в городском театре.

В Томск я возвратился один. Люда осталась на практику в местной аптеке.

Глава третья. ВТОРОЙ КУРС

С начала сентября мы уехали на сельхозработы в деревню Старо-Черново Кожевниковского района. С нами поехал молодой специалист, будущий профессор ФТФ Борис Фёдорович Шашкин. Погода была благоприятной, и мы весь месяц проработали на комбайнах. Жили по 4-5 человек в избах колхозников. Спали па полу, на соломе. Местные жители злоупотребляли нашей помощью. Днём, когда мы вкалывали на полях, они собирали кедровые шишки. У хозяев нашей избы был огромный мешок, куда они ссыпали обмолоченные орехи. Мы поинтересовались, для чего им столько ореха, в ответ услышали, что они повезут его продавать в Новосибирск.

Питались мы в колхозной столовой. Однажды в непогожий день устроили конкурс едоков. Против меня выставили двух гигантов: штангиста Володю Сапожникова и борца Александра Рузманова. Мои противники менялись по очереди. Суммарно получилось: мне две миски картошки с капустой, им столько же на двоих, по две миски творога, по пять стаканов простокваши. Всё поровну. «А у меня больше ничего нет!» - заявила повариха. Решили дополнять желудки водой. Они влили в себя по два стакана, усилием воли я влил в себя четыре с половиной. После этого я спал спокойно, только очень пучило живот. Что было с ними, лучше спросить у них самих или у их коммунаров.

Осенью 1955 года от переоблучения умер Володя Ильюшенко. Случилось это так.

В 107-й комнате он стоял у чертёжной доски, и вдруг из носа на чертёж хлынула

кровь, его по скорой увезли в больницу. За неделю у него катастрофически снизилось содержание гемоглобина в крови. Врачи сказали нам, что эту болезнь ещё никто никогда не лечил. А переоблудился он в подвале 10-го корпуса, где настраивали бетатрон. Оказывается, лучевой поток уходил не туда, куда его направляли. Гроб с телом покойного мы самовольно установили в клубе ТПИ, тогда он располагался в левом крыле главного корпуса. Весь день у гроба стоял студенческий почётный караул. Приходил и декан факультета В. Н. Титов.

В те годы мы постоянно подрабатывали. Работали на Лесоперевалочном комбинате, возили плахи с барж. Разгружали вагон с вином и перевозили его в подвалы ресторана «Север». Однажды вагон с дустом мы перевезли в подвалы центральной аптеки. Когда возвращались с работы домой, наши телогрейки, пропитанные запахом дуста, источали такую вонь, что пассажиры трамвая пересели в соседний вагон.

В начале 1956 года проходил XX съезд партии. Я занимался в читальном зале. Прихожу домой, вся группа сидит в нашей комнате. Валерий Черкашин что-то бренчит на гитаре. Увидев меня, он воскликнул: «Сталин - дерьмо! Не веришь?» - и включил радио. Передавали речь Хрущева. Начались брожения в наших умах. Мы ничего не знали, что ждёт нас после окончания института. Десять студентов нашего курса решили уехать на строительство Братской ГЭС. Вмешался Горком ВЛКСМ. Секретарь Горкома Пётр Яковлевич Слезко поручил секретарю Кировского райкома Бортникову заняться нами. Шутка ли? Срывался план выпуска специалистов. Нас загрузили поручениями. Мне досталось шефство над Военно-медицинским институтом. В результате на Братскую ГЭС уехал один Виктор Воропаев, но и он через несколько месяцев вернулся и засел навёрстывать отставание.

Летом Людмилу после окончания фармуцилища направили работать в аптеку города Сталинска. В тот год я был комсоргом курса. Горком на лето решил отправить нас на освоение целины. Это рассматривалось как добровольное дело. Однокурсники, имеющие уважительные причины, обращались ко мне с заявлениями, просили отпустить их домой. Мы на бюро рассматривали эти заявления. Просьбу некоторых удовлетворили. Неожиданно в 105-ю комнату зашёл В. Н. Титов. «Что это такое?» - спросил он, потрясая перед моим носом заявлениями. - «На целину поедут все!»

Ехали мы в товарных вагонах, поезд шёл на правах военного эшелона. Остановки были лишь в Новосибирске, Омске, Челябинске, где нас кормили горячим обедом. Из Челябинска поезд пошёл по бескрайним степям Казахстана на Кустанай. Многие ребята уже дружили со студентками 554-й группы ХТФ. На ходу поезда мы через верхнее окно выбирались на крышу нашего 7-го вагона и перебирались по крышам в их 28-й, там уговаривались ехать в одно и то же место. На перегоне Акмолинск-Кустанай мы самовольно сошли и уехали с химичами в их совхоз.

Вначале нас поселили в коровнике. Левая сторона была девичья, правая - наша. Так мы жили до начала уборочной. Работали на заготовке сена. Затем переехали на засеянные пшеницей поля. Большую военную палатку поставили на берегу реки Убаган. Палатка делилась всё так же: девушки - слева, справа - мы. Все работали на току. Лишь мы с Георгием Васильевым на комбайнах, на соломокопнителях. Работали допоздна, до вечерней росы. Обед на поля привозили наши девушки - поварихи.

В результате на распределении комиссия интересовалась специальностью жены. Многие ответили: «Химик-органик. Лекарственные, ароматические и красящие вещества».

Глава четвертая. ТРЕТИЙ КУРС

1956 год - особенный, страна была напряжена Венгерскими событиями. В среде студентов начались брожения. Лекторы-обществоведы не могли справиться с аудиторией, владели лишь единицы. Экономно! Казакевич легко отвечал на все вопросы студентов, его часами не отпускали с трибуны. Спокойно владела аудиторией марксист Бабушкина. На все вопросы студентов отвечал лектор по обществоведению - майор Овчинников. Под руководством Бабушкиной я подготовил свою вторую лекцию - «Пространство и время».

В это тяжёлое время я съездил к Людмиле в Сталинск. Там в дымах КМК я решил переквалифицироваться в металлурга, надо было досдавать лишь три экзамена.

Вернувшись в Томск, на занятия ходить перестал. Недели две ничего не делал, валялся на кровати, затем одумался, за пять дней сдал курсовую по деталям машин, выспался и ещё за два дня сдал 12 зачётов, к экзаменам прорвался, а после их сдачи уходить с ФТФ уже не хотелось.

В апреле, отработав положенное время в Сталинске, в Томск вернулась Людмила. 20 апреля была наша студенческая свадьба в столовой старого Горного корпуса. Жить стали на съёмной квартире на Большой Подгорной, 129.

Второй день свадьбы Николаевых на Большой Подгорной
Томск, 21 апреля 1957 г.

В июне на экзамене по военной топографии мне достался билет по номенклатуре карт. Эту лекцию я пропустил, когда ездил в Тайгу встречать свою невесту. Во время пользования шпаргалкой меня поймал принимающий экзамен офицер, поставил двойку и выгнал из аудитории. Ошарашенный, поднимаю глаза и вижу табличку «Заведующий кафедрой». Решительно вхожу и с ходу: «Товарищ генерал! Сдавал. Списывал. Провалился. Разрешите пересдать!» «Кому сдавали?» «Капитану Сидонскому». Генерал встал, прошёл через коридор и приказал принять экзамен повторно. Вытащил билет и начал отвечать без подготовки. Решение капитана было ошеломляющим: «За ответ - отлично, за то, что не знали тот вопрос, - хорошо, за то, что не знали и списывали, - удовлетворительно. Кругом! Марш!»

Лишение стипендии за тройку - таков был свадебный подарок. Это же послужило мне хорошим уроком. Все последующие сессии до конца учёбы я сдавал только на отлично и получал повышенную стипендию. На практику в тот год я уехал на Кемеровский азотнотуковый комбинат.

Глава пятая. ЧЕТВЕРТЫЙ КУРС

Начало учебного года ознаменовалось новыми событиями - нам начали читать лекции по химии и технологии урана. Первую лекцию нам читал Николай Павлович Курин, заведующий кафедрой. Основой химической технологии он считал скорость химической реакции и равновесие. Практические занятия вела Галина Васильевна Каляцкая. Слова «уран», «плутоний», «торий» мы записывали в сокращениях, символами. Конспекты, предварительно прошитые и пронумерованные, староста группы получал в спецчасти. В обиходе мы пользовались несекретными терминами: спецтехнология-1, спецтехнология-2, спецтехнология-3, так впоследствии они и были обозначены во вкладышах в дипломах.

В жизни нашей группы произошли существенные изменения. Сложились три семейных пары. Кроме меня, женились Володя Сапожников и Виталий Мишин, но свадьбы они играли не в Томске, а у себя на родине, в Маслянино и в Чите. Вслед за ними последовали свадьбы «целинников»: Скуратовых, Сваровских, Лыхиных, Науменко. Расскажу ещё об одном интересном факте. В коммуне комнаты 135 жил Анатолий Ястребов. Он похаживал в женское общежитие ТГУ на Никитина, 4. «Пятихатка» - так студенты называли это общежитие. Там он «нагулял» ребёнка, но жениться не стал, девушку бросил. Наша группа проявила принципиальность и потребовала отчисления Анатолия из института.

В мае 1958 года в Ейске Людмила родила дочь Лену. Телеграмма с радостным известием пришла, когда я вернулся с калыма. Сбегал в магазин, купил 2 ведра вина, десять пачек заварного крема, муку. На плите в общежитии испёк торт. Первенца обмыли на славу. В этот же день у Володи и Гали Сапожниковых родилась дочь, тоже Лена.

Я по-прежнему подрабатывал в подвале 10-го корпуса. Мы делали бетатрон для Пекинского университета. Настраивать его в Китай уехали профессор Горбунов и доцент Ананьев.

На производственную практику нас направили в Табошары, что в Таджикской ССР. В Ейск на каникулы я ехал через Красноводек- Баку.

Глава шестая. ПЯТЫЙ КУРС

Выпускники группы 044 ФТФ ТПИ. В. И. Николаев – первый слева в последнем ряду.
1956 г., июль

С каникул мы с женой возвратились с четырёхмесячной дочкой. Сняли квартиру на улице Заливной, 19 у известной в городе семьи Абушаевых. Ещё по пути в Томск Лена заболела. Мы практически все ночи качали её в ванночке. Юсуп Тимурбулатович достал с чердака старую люльку и прикрепил к потолку. Жить стало легче, спали по очереди.

В начале октября в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли. Когда он будет пролетать над Томском - объявили по местному радио. В назначенное время мы с хозяином вышли наблюдать быстродвижущуюся по небу яркую звезду. «Аллах поймает, надерёт уши!» - пошутил Юсуп Тимурбулатович.

Лена росла на искусственном вскармливании. Молока в магазинах не было, мы покупали на рынке замороженные круги молока и на нём варили манную кашу. У дочери развился сильный рахит, и жена увезла её в Ейск. Я снова перешёл жить в общежитие.

На преддипломную практику меня направили в Кирово-Чепецк. Там мне впервые посчастливилось попробовать вкус урановой соли. В цех питьевую воду привозили в алюминиевых флягах с кранами. Многие прямо кружками черпали воду из фляги, так как ждать, пока все напьются из крана, было невтерпёж. Однажды я налил воду из полупустой фляги, во рту ощутил приторный вкус урановой соли.

В студенческие годы мы часто ходили в Томский драмтеатр. Спектакли в те годы были бесхитростные, особенно запомнился один из них - «Университетская роща», с актёрами Афонинной и Молотовым в главных ролях. Позже, лет через десять, мы увидели этих актёров в Севастопольском театре.

В те годы началось мое увлечение томским футболом. Замечательным событием для наших болельщиков был приезд в 1959 году на кубковые игры киевского «Динамо» и московского «Торпедо». Блистательная игра наших футболистов Генриха Боровика и братьев Чепцовых из «Буревестника» заставила уважать томский футбол.

Глава седьмая. ДИПЛОМИРОВАНИЕ

Темой нашей с Александром Науменко дипломной работы была «Фторирование урана в кипящем слое». Электролизер для получения фтора стоял в подвале 10-го корпуса. Схему мы собрали быстро, но включить установку днём было невозможно, фтор выедал глаза. Наш руководитель - молодой специалист Генрих Андреев - перенес наши занятия на вечер. Работали мы в противогазах, отдыхали по очереди, лежа в коридоре на полу. С большим трудом нам удалось получить два десятка точек. По этим точкам, применив метод интерполяции, построили кривые. На их основании рассчитали аппараты, сделали их чертежи. Начертили таблицы экономической эффективности метода.

На защите, 26 февраля 1960 года, я, отстаивая своё детище, вынудил повздорить завкафедрой Николая Павловича Курина с председателем приёмной комиссии Александром Семёновичем Леонтичуком. В то время никто в Томске не знал, что ОГК СХК разрабатывает пламенный реактор для получения гексафторида урана.

Через час после защиты я отправил в Ейск жене телеграмму: «Защитился отлично! Инженер Николаев».

Получив дипломы, мы сложили их в чемоданы и начали их обмывать. Опять пьянка!

Через неделю запоя автобус десятого маршрута увёз меня на «ПЯТЫЙ ПОЧТОВЫЙ».